

12+

Л.Д.Абакумов

**Путь познания.
Размышления...**

Лев Абакумов

Путь познания. Размышления...

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Абакумов Л. Д.

Путь познания. Размышления... / Л. Д. Абакумов — «ЛитРес: Самиздат», 2017

ISBN 978-5-532-05817-0

Мальчишка небольшого провинциального городка. Внук, которого любят все. Большая семья, которая дала ему очень много как в воспитании, так и в образовании. Маленький человечек, живущий в ожидании новых свершений. Детские мечты, надежды, любимая литература и тайное желание стать писателем. И все это в одно мгновение разрушила война. Мальчишка, которому так и не удалось попасть на фронт, о чем он сожалел всю оставшуюся жизнь. Долгий путь к работе по призванию. К работе, которая захватила все его существо и стала смыслом жизни...

ISBN 978-5-532-05817-0

© Абакумов Л. Д., 2017
© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Предисловие	5
Часть первая	6
Глава вторая	33
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Предисловие

«Меня не покидает мысль: каким-это образом я, мальчика с Алексинской улицы, внук купца Золотарёва Егора и сын безвестного служащего «лишенца» Абакумова Д.Г., оказался в центре космических свершений Союза ССР...»

Алексин – город, расположенный в этническом центре Российской земли, так хорошо воспетой писателем Константином Паустовским, как «серебряный край». Алексин – родина моих предков, взрастившая меня земля. Столетний сосновый бор, Ока, замыкающая его с двух сторон, её заливные луга, в начале лета расцветавшие роскошным ковром полевых цветов, при малейшем дуновении ветерка поившие округу сказочным ароматом. Вся эта неповторимая прелесть с детства стала понятием дорогой мне Родины...

Красоты Алексинской природы

Часть первая

Глава первая

Алексинский дом купца Абакумова Григория Ивановича в 30-е годы 20 столетия стал для меня родным домом. Семья Абакумовых, состоявшая из 4-х сыновей и 4-х дочерей, которых заботливо вырастила жена Григория Ивановича Елена Агеевна, не подверглась после революции 1917 г. репрессиям со стороны властей. Её глава – алексинский купец Абакумов Г.И. в голодные годы отправился на Юг России за хлебом, в Азербайджанской республике был призван в армию, при загадочных обстоятельствах погиб и был похоронен в городе Казах его сослуживцем. В ходе судебного разбирательства по случаю кончины главы семьи во владение домом и участком земли, принадлежавшим купцу Абакумову, была введена его жена – Елена Агеевна. Её – мать многодетной семьи – в 30-е голодные годы алексинские власти не решились репрессировать, да и конфисковать было нечего, кроме дачи, построенной в 1910 г. моим дедом Григорием Ивановичем.

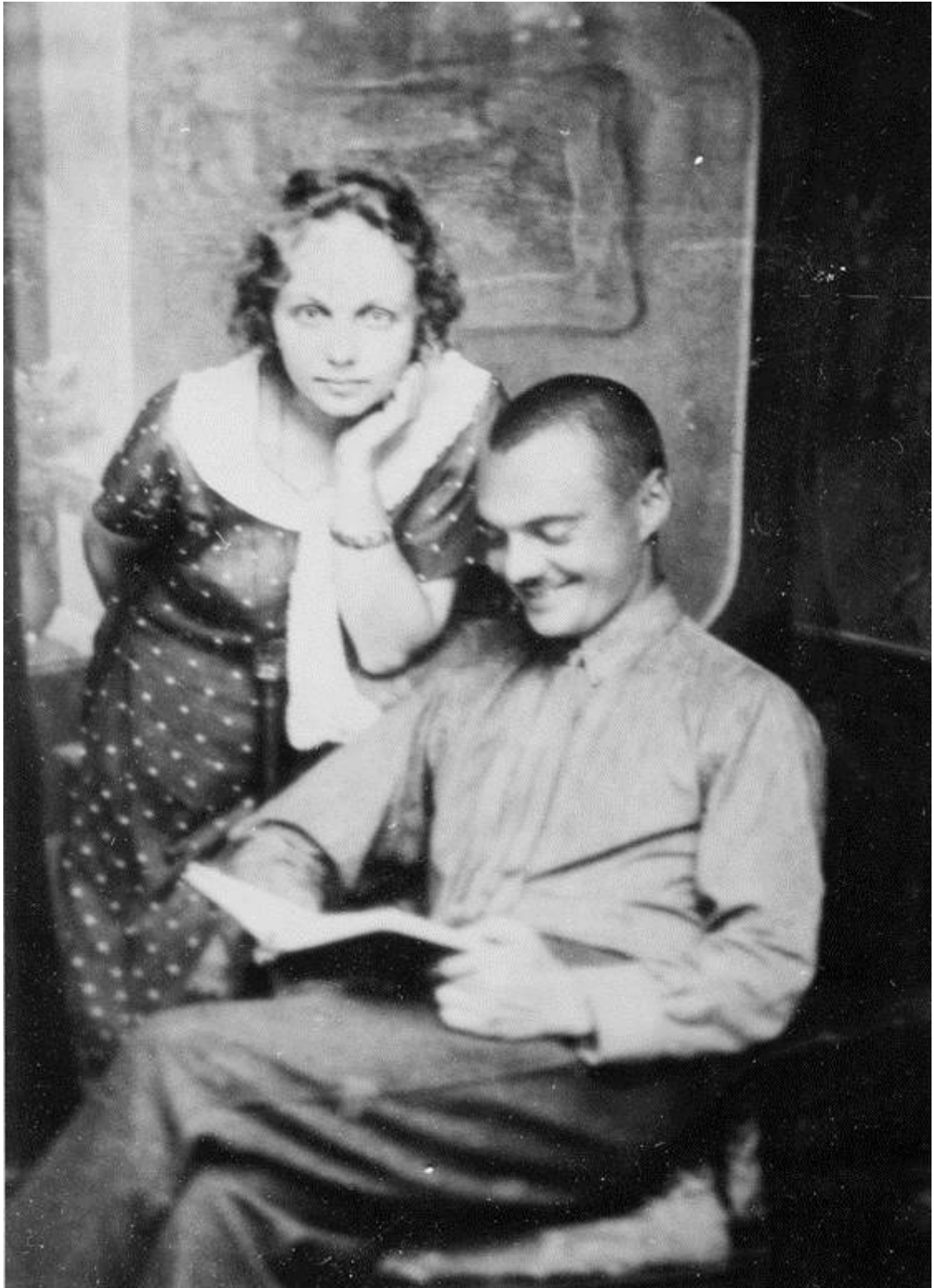

На высоких берегах Оки

Создавшаяся ситуация позволила сохранить в собственности семьи большой участок земли, что было обыденным делом для ряда алексинских жителей. Именно этот дом, с ещё сохранившимся купеческим укладом, с большим садом, с семьёй, воспитанной на ценностях существовавших в то время традиций, и стал местом, где были заложены основы моего характера, стал моим родным домом. А случилось это так.

Мои отец и мать – алексинские жители. Отец – старший сын Григория Ивановича – Дмитрий, а мать – вторая по старшинству дочь моего деда – городского головы Золотарёва Егора

Михайловича. Почему дочь городского головы Надежда вышла замуж за сына алексинского купца Абакумова, мне неизвестно, знаю только, что это был брак по любви. Я в своё время не постарался поинтересоваться этим обстоятельством, но купец Абакумов в каком – то фаворе у городского головы был, иначе Золотарёв не выдал бы за его сына одну из любимых своих дочерей. Родители мои, сочетавшись браком и имея в своём активе соответствующую тому времени аттестацию «лишенцы», чтобы не маячить властям Алексина своим счастьем, уехали в Тулу, где жили, снимая квартиру в частном доме в Учётном переулке. Жили, как могли, не тужили, но даже в Туле их настигла железная рука времени.

Мои родители

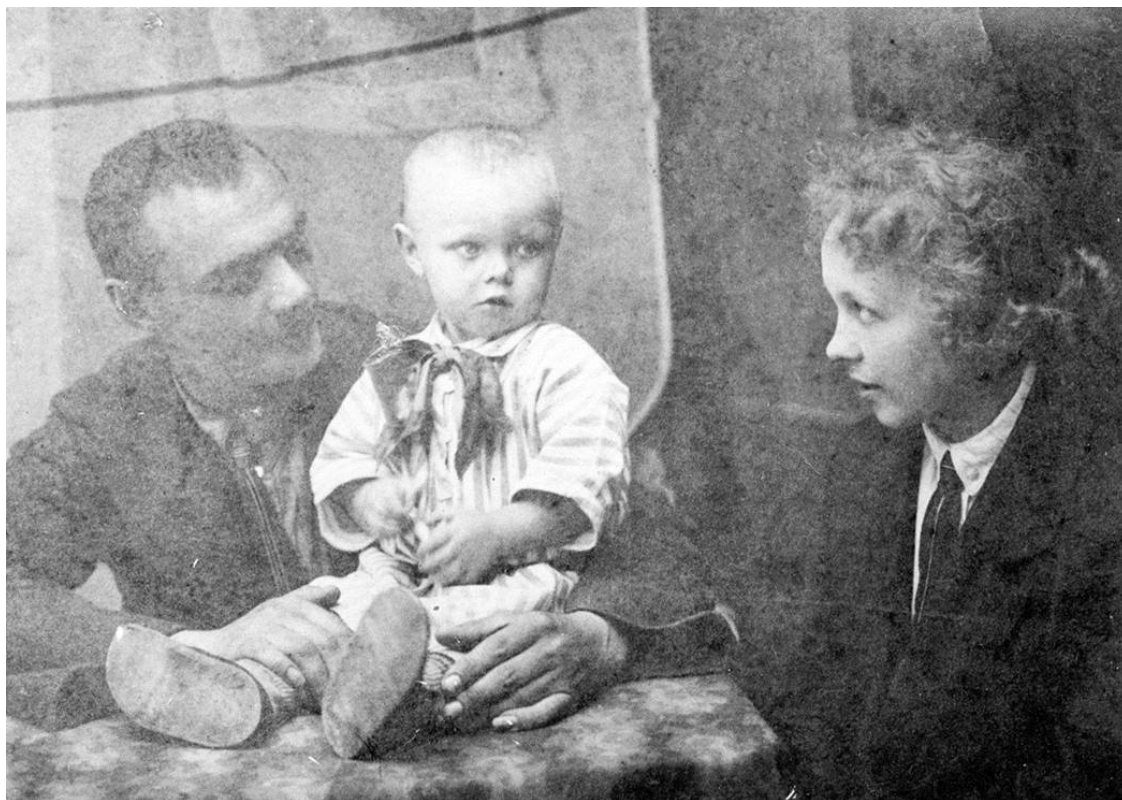
Я родился 8 февраля 1924 г. и со дня рождения прошло года полтора или два, когда на эту квартиру (знаю по рассказу моего дяди со стороны матери – Сергея Золотарёва, который был третьим лишним в этом союзе двух людей – его сестры Надежды и моего отца Дмитрия), конечно, ничего из того, что произошло, я по малости лет помнить не мог, явились двое

красногвардейцев с винтовками и потребовали у моего отца и матери выдачи имевшихся у них драгоценностей. Отец и мать, ведать не ведавшие ни о каких драгоценностях, ответили, что у них ничего нет. Им предложили собраться и следовать за этим вооруженным конвоем. О малолетнем ребёнке люди ничего не захотели слушать. Отца и мать увели и арестовали. Я остался в квартире один.

Не знаю, что было потом. Может быть, сердобольная душа сообщила в Алексин или свершилось что-то иное. Только дядя Сергей Георгиевич Золотарёв забрал меня – малыша и увёз из Тулы в Алексин. Здесь начинаются мои первые детские воспоминания. Дядя Сергей Георгиевич привёз меня в Абакумовский дом. Была осенняя прохладная погода, моё первое детское воспоминание – мы с кем-то (наверное, с Сергеем Георгиевичем) входим в полуосвещённую маленькую комнату, я сознаю, что меня раздевают. Снимают пальтишко. Это первое сознательное воспоминание о том, как я попал в алексинский Абакумовский дом, в нём мне ещё многое предстояло прочувствовать и узнать. Дом, который вместе с городом Алексиным стал мне родным на всю жизнь.

Это было в канун революции 1917 года, тогда дед Егор добровольно отдал явившимся к нему представителям власти имевшиеся у него драгоценности. Для этого он отвёл их в сад, где указал место хранившихся там ценностей. Представители власти сами отрыли ведро, где был клад. Понятно, что после этой реквизиции никакие ценности дед дать дочери Надежде не мог. Отец и мать, ведать не ведавшие ни о чём, конечно, ответили, что никаких драгоценностей у них нет.

После кратковременного ареста в Туле (а дело кончилось тем, что их отпустили), мои родители на долгое время доверили моё воспитание бабушке Елене Агеевне и сестре отца – Елене Григорьевне, тётке Лене, как звал её я.

Я с папой и мамой в бессознательном возрасте

А вот я, как и все соседские мальчишки, посреди Радбужской улицы после дождя играю в песке. Яркое солнечное утро. Я не только вижу и слышу. Всё моё существо пронизано этим солнечным утром. Со стороны Соборного бугра доносится малиновый колокольный звон. Я знаю – это звонят в церкви, в которой я уже был с бабушкой Еленой Агеевной. Там меня угощали просвиркой и поили чем-то очень вкусным. Это из моего раннего детства.

А вот прямо ко мне, где я играю в песке, идёт мой дедушка Егор. Высокий седой старик, он идёт прямой, стройный, уверенным, неторопливым шагом. Я его хорошо, знаю – он часто ходит к моей бабушке Елене Агеевне. Когда он к нам приходит, они долго сидят и разговаривают. Я знаю, что моя бабушка большая мастерица рассказывать русские народные сказки, и она даже сочиняет свои сказки. Теперь, вспоминая свою бабушку Елену Агеевну, я думаю, что она была человеком большой нравственной культуры. Именно это помогло ей, оставшейся с 8-ю детьми после утраты главы семейства, достойно воспитать своих малолетних детей и быть приятным собеседником своему тестю, городскому голове Егору Михайловичу.

Дружная семья Абакумовых: в центре- бабушка Елена Агеевна; слева направо- мои тети: Елена Григорьевна, я, Ольга Григорьевна и Лидия Григорьевна Алексин, 1928 г.

Сейчас я понимаю, что тогда, в далёком безоблачном детстве ко мне своей неторопливой и уверенной походкой шёл мой несломленный жизненными невзгодами дед Егор, который, несмотря на горечь утрат, не потерял чувства собственного достоинства. В этой неторопливой его походке, было что-то от дерзкого вызова человека, потерявшего в жизни всё, что составляло смысл его жизненных свершений. Утративший их существо, посвященных любимому городу Алексину, дед жил жизнью своих детей.

С любимой тётёй Еленой Григорьевной Абакумовой

Когда его начинали прижимать власти, как одного из бывших купцов, он всегда говорил, что у него сын – командир Красной армии. Он имел в виду своего среднего сына – Владимира.

Мне 5 лет

Владимир Георгиевич был в то время помощником начальника связи Белорусского военного округа. Помню, с каким удовольствием дед встретил своего младшего сына Николая, который из Ленинграда в первый раз привез в Алексин жену Нину с внучкой Мариной. Тогда в дедовском доме было шумно и весело – откуда-то взялась дальняя родственница из Серпухова Мария Сергеевна, тётя Маруся, как звала её моя мать, со своим мужем, фотожурналистом Терентьевым, приехал Владимир Георгиевич.

Всё это многоголосое, шумное общество ходило из дома в сад, что-то оживлённо обсуждая, говоря о недоступных моему пониманию делах. Я же, увлечённый подаренным отцом фотоаппаратом «Arfo», занялся фотографированием моей малолетней сестры Марины.

Это были годы моего раннего детства, когда, просыпаясь рано утром, я всегда видел из окна крону серебристого тополя, росшего в соседнем к нашему дому Пионерском переулке, эта крона всегда была в постоянном движении. Листва тополя шевелилась и, если было солнечное утро, она блистала на солнце. Если в момент своего пробуждения я видел мерцание и блеск, я знал, что меня ждёт отличная, солнечная погода. Вскочив с кровати, я через чёрный ход, минуя тётю Веру, которая в это время на кухне занималась с только что принесённым удоем молока (у нас была корова по имени «Зорька») я в чём был – моя одежда состояла из трусов и подобия майки – бежал ко входу в сад. Там, в саду было моё владение. Сад в моём детском понимании был огромным, а, может быть, он действительно был очень большим.

От двора, к которому примыкали три наших жилых дома, он тянулся вдоль всего переулка, примыкавшего к нему слева. Конец сада упирался в Снегирёвскую улицу, где был пруд, который служил нам ареной для морских боёв, которые мы с Лёшкой Лебедевым устраивали на этом пруду. Соорудив из толстой сосновой коры корабли и оснастив их пушками, сделанными из малокалиберных патронов, и парусами, мы спускали их на воду пруда. Ветер гнал корабли, они сходились.

В нашем сознании это были настоящие морские бои потому, что на кораблях пушки были заряжены серой из спичечных головок и к пушкам были приспособлены фитили. Мы поджигали эти фитили перед спуском кораблей на воду и, сходясь, суда производили эффектные залпы навстречу друг другу. Так проходили эти морские бои.

В то счастливое время всё моё существо было наполнено ожиданием всё новых и новых свершений. Каждый день, засыпая вечером в своей кровати, я был полон ожидания следующего утра. Я жил с мечтой о том, что утром начну что-то совсем новое и незнакомое. Каждый день ждал и совершал новые мальчишеские подвиги. Это были то поход в бор, или мальчишеский налёт на бесхозные огороды, то игра с дерзким броском в загадочную Жириху, с таинственным и неразгаданным «Поповым верхом», из которого невероятно трудно было выйти, словно какая-то неведомая сила заставляла нас ходить по кругу, не отпуская из своих оврагов. Таинственная сила «Попова верха» в моём сознании усугублялась ещё и рассказом бабушки.

Она на мой наивный вопрос, как на Абакумовский род свалилось «богатство», рассказала мне странную историю. В пору своей молодости, она однажды ходила за грибами на «Попов верх», когда она набрала грибов и вышла из леса в Жириху, ей повстречался странный человек, который, ничего не говоря, словно звал её куда-то, всё время повторяя, как припев «А-та-та-а-на-на, а-та-та-а-на-на». Бабушка, завороженная странным обращением, невольно пошла за ним. Через какое-то время человек привёл её к могучему столетнему дубу, росшему у «Попова верха», где начинались загадочные овраги. Человек этот, всё время повторявший слова «а-та-та-а-на-на», на мгновение исчез, а затем появился из-за столетнего дуба, со стороны оврагов, и потянул бабушку за руку, приглашая её следовать за ним. После некоторого колебания она подчинилась и пошла следом. Перед ними открылся вход в пещеру. Человек, засветив факел, повёл бабушку вперёд. Осторожно ступая в полутьме пещеры, бабушка, переступая с ноги на ногу, неуверенно шла за ним. И вдруг пламя факела осветило сказочную россыпь драгоценностей.

Человек сделал ей знак, означавший, что она может взять, что ей нравится, и подтолкнул её к сокровищу. Бабушка, зачарованная блеском золотых украшений, приблизилась к драгоценностям и выпустила его руку. Она стала рассматривать золотые украшения и взяла, что ей понравилось. Когда она пришла в себя от первого потрясения, рождённого видом сказочного богатства, она оглянулась и увидела, что одна, человек исчез. Придя в себя, бабушка взяла, что смогла и, не помня себя от страха, выбралась из пещеры.

Увидев дневной свет, бабушка Лена поняла, что очутилась у того столетнего дуба, к которому привёл её странный человек. Не помня себя от пережитого, она едва добралась домой. Так бабушка ответила на наивный вопрос ребёнка о том, почему дед Григорий Иванович был богатым человеком.

Возвращаясь к своему любимому саду. Преодолев преграду забора, отделявшего дом от сада, через щель одной из досок, поворачивающейся на верхнем гвозде, я был уже в своём привычном окружении. Вокруг были милые мне деревья и кустарники. Здесь начинался мой завтрак – плоды многочисленных фруктовых деревьев. Я твёрдо знал, что они каждое утро подарят мне свои плоды – фрукты – яблоки, груши, не успевшие созреть. Это и составляло первое, что попадало мне на завтрак. Это был не просто участок земли, примыкавший к дому. Это был сад, взлелеянный чьими-то добрыми и тёплыми намерениями, может быть, это было желание моего деда Григория Ивановича – оставить своим потомкам обитель, полную тепла и плодов матери земли.

Или у деда были предшественники, или это была осуществлённая в ухоженном саду забота бабушки Елены Агеевны, в канун революции оставшейся в одиночестве, с восемью малолетними детьми. Во всём облике сада чувствовалась заботливая рука. Он начинался у небольшого огородика, на котором росли овощи, поступавшие к столу. От самого входа в сад в его глубину вела тропинка, проторенная среди травы, мимо зарослей воскового плюща справа и роскошного цветника слева – гордости бабушки и её дочерей, мимо двух беседок – решетчатой, приспособленной для чаепития, и более капитальной, в которую осенью ссыпался урожай антоновских яблок, мимо старой груши и сливовых деревьев. Мой путь вёл из сада, где росли скороспелые яблони, туда, где были заросли кустарников. Там росла малина, зрели крыжовник, красная и чёрная смородина, вишенник. Тропинка выводила меня к высокой, столетней ели, стоявшей в конце старого сада.

Под этой елью, сколько я себя помню, всегда была удобная скамья, где можно было отдохнуть. За елью участок делился на две части. Справа была часть, отведённая под огород, который мой дядя Михаил, на время раздобыв лошадь, сохой вспахивал под посадку картофеля. Эта часть упиралась в улицу, пересекавшую переулочек под прямым углом. А слева каждую весну благоухал пышным цветом сад антоновских яблонь. Их было сорок корней- апорт, китайское яблочко, грушевка, коричное.

Мое детство в доме Абакумовых, как я это понял значительно позже, было копией детства «Багрова внука» Аксакова. В Алексине я воспитывался в семье, где был единственным бабушкиным внуком, бабушка Елена Агеевна до самого конца её жизни носилась со мной, как с писанной торбой. Она души во мне не чаяла. Это было ещё тогда, когда она могла свободно перемещаться в пределах усадьбы. Я пишу об этом потому, что через некоторое время она заболела ревматизмом, что повергло её на очень долгое неподвижное существование. Она 11 лет сидела в своей постели, у неё не было возможности встать и пройти хотя бы несколько метров. Тогда моим воспитанием занималась её дочь Елена, сестра моего отца. Таким образом, формирование моего характера и личности шло под влиянием бабушки Елены Агеевны и её дочери Елены, которая все эти годы занималась моим воспитанием. Это она заложила основные черты моего характера, под её влиянием я усвоил понятие всех основных привязанностей. Она не только учила меня, как себя вести, но старалась просветить меня в области явно не знакомых мне интересов.

Помню эпизод о том, как в моём сознании появилось представление о существовании за пределами моего бытия ярких красок, впечатляющих образов, красиво одетых людей. Это были цветные картины из жизни прошлых столетий, говорящие о рыцарях в золотых латах, дамах, одетых в красивые одежды, за благосклонность которых сражались эти рыцари. Всё это я увидел, когда тетя Лена с работы, из аптеки, где она работала фармацевтом, принесла от своей начальницы Сенопальниковой «волшебный фонарь».

У «волшебного фонаря» было отделение, где помещалась горящая керосиновая лампа, она давала фонарю свет. В фонарь вставлялись искусно нарисованные в цвете прозрачные картинки, теперь я сказал бы «слайды», но в то время даже понятия о слайдах и в помине не было. Но я точно помню, что картинки вставлялись в «волшебный фонарь», чтобы быть показанными при свете керосиновой лампы на развешенной на стене скатерти. Тогда я впервые понял, что в окружавшей меня действительности существуют понятия о красоте, красивой одежде, ярких увлекательных образах.

Алексинский Абакумовский дом располагался как раз напротив дома Щедриных. Братья Щедрины были отличными музыкантами. Время от времени их концерты, сопровождавшиеся чарующими звуками виолончелей, неслись из дома напротив. Теперь я думаю, что именно эти концерты, звучавшие в мои детские годы, сыграли главную роль в становлении моего музыкального слуха, звуки виолончелей, занимавшие в то время моё сознание и волновавшие меня в детские годы, были чем-то неповторимым. Слушая эти звуки, доносившиеся из дома Щедриных, я забывал обо всём. Мне были уже неинтересны мои игры, куда-то вдаль уходили улицы с соседскими мальчишками, желание идти в очередной поход. Я целиком был во власти доносившихся ко мне звуков.

В те далёкие детские годы я дружил со многими своими сверстниками, среди которых были и мальчик, которого все звали Пальгай, и Мишка Поздняков, с которым мы постоянно воевали, мои двоюродные сестры Галя и Ляля, две сестры Глаголевы и, наконец, Лёшка Лебедев – заводила и постоянный наш лидер; был среди них и Олег Щедрин, проводивший детские годы в Алексине. Мы с Олегом были большими друзьями, делились своими привязанностями и надеждами, которые могли увлекать нас в будущем. Так я узнал, что Олег собирается стать военным человеком, когда вырастет. Олег, следуя этим своим наклонностям, старался всячески подчеркнуть своё стремление. Наверное, для этого он носил одежду полувоенного образца, «галифе» и строгую куртку. Он был немного старше меня и заставлял прислушиваться к его мнению.

С Родионом Щедриным я знаком не был, потому что он был значительно моложе меня и в Алексине моего детства не появлялся. Был и ещё один эпизод, связанный с домом Щедриных, запомнившийся в моей ещё совсем детской памяти. Это было то время, когда моя бабушка Елена Агеевна ещё могла ходить вне дома. Она была дружна с бабушкой Щедриных. Мне хорошо запомнился эпизод, когда я в своём раннем детстве оказался в доме Щедриных. Хорошо помню, что обе бабушки были увлечены своей дружеской беседой, бабушка Щедрина увидела, что мне – ребёнку некуда себя девать и предложила отпустить меня в сад, в густой малинник, чтобы я занялся малиной.

Я отлично помню крупную и сочную малину щедринского сада, которой я лакомился в тот памятный день, а бабушки довольно долго вели свою душевную беседу. В моём далёком детстве я был настолько наивен и доверчив, что поверил в обещание отца (наверное, связанное с тем, что я поделился с ним своим восхищением воинскими образами) подарить мне игрушечного коня, который будет стремительно носить меня во время моих игр со сверстниками.

Моё богатое уже в то время воображение, после обещания отца, рисовало мне захватывающие дух картины, как я на этом коне несусь среди соседских мальчишек и девчонок, оставляя позади всех, кто пытается меня обогнать. Воспоминание о скачущем подо мной коне, обгоняющем всех соседских мальчишек, так и осталось в моей памяти как виртуальная реальность. Отец ничего подобного подарить мне не мог, но игра воображения нарисовала в моём мозгу иллюзию скачущего придуманного отцом коня. Это воспоминание навсегда осталось в моей памяти.

Дом Щедриных был известен в Алексине не только тем, что часто можно было слышать их концерты, которые разносились по всей округе, но ещё и тем, что братья владели единственной в то время в Алексине моторной лодкой. Очень часто во время наших походов через бор к

Оке мы с восхищением наблюдали, как мимо нас по речной глади стремительно проносилась их моторка, словно большой пароход, оставляя позади себя так любимые нами гребни волн. Если это было на пляже, то я и все мои товарищи, соседские мальчишки с восхищением бросались плавать на волнах, расходившихся после щедринской моторки.

Постоянным гостем в нашем доме в Алексине была подруга Лёли (Лёля – младшая сестра моего отца) – Зиночка Трофимова. Она, молодая девушка, близко к сердцу принимала моё детство. Наверное, это было желание каждой женщины нянчить ребёнка, поэтому она проявляла ко мне своё расположение. Впрочем, не только Зиночка, но и её брат интересовался жизнью Абакумовского дома, он был дружен с тётей Леной и имел далеко идущие намерения.

Зиночка Трофимова постоянно нянчилась со мной, будто я был её близким родственником. Так было и в тот день, о котором я хочу рассказать. Тогда она впервые отправилась со мной в сад и вежливо пропустила меня, 4-х летнего мальчишку вперёд. Мы с ней двигались по моему обычному пути – отодвинули в заборе доску, висевшую на верхнем гвозде, и я нырнул в щель, но, наверное неудачно, зацепился ногой за нижнюю перекладину забора и головой вниз полетел в заборную зелень. На моё несчастье, в зарослях крапивы попался глиняный горшок, о который я ударился переносицей. Сильно пошла кровь.

Испуганная Зиночка, недолго думая, схватив меня под мышку, выскочила в Пионерский переулок (я – то не видел, что в этот переулок), я только чувствовал, что Зиночка бегом тащит меня по тропинке переулка, белую поверхность которой я хорошо видел. Она тащила меня вниз головой, боясь запачкаться кровью, обильно лившейся из разбитого носа.

Моя голова висела очень близко к белой дорожке, и я видел, как по поверхности тропинки остается красный след льющейся крови. Эта белая тропинка с красным следом крови врезалась в мою детскую память. Надо отдать должное Зиночке, она действовала очень оперативно. Хорошо знакомая с тем, что и где происходит в Алексине, она быстро тащила меня по Пионерскому переулку мимо пруда на Снегирёвскую улицу. Там был медпункт.

Всё это – моё последующее осмысление происходящих событий. Я с детства был приучен к тому, чтобы постоянно анализировать всё, что со мной происходит. Из этого суматошного движения вниз головой я помню только доброе лицо врача и металлические скобки, которыми врач скрепил кровоточащую ранку на моей переносице. Шрам от злополучной ранки остался на моём носу на всю жизнь, Зиночка Трофимова стала моим близким другом. Впоследствии, несмотря на её меняющийся возраст и семейное положение, я звал её просто Зиночка.

Из дружбы Зиночкиного брата с тётей Леной ничего путного не получилось, потому, что тётя Лена была слишком осторожным человеком, чтобы, не раздумывая, броситься головой в омут.

В то благословенное время единственным мужчиной в Алексинской семье Абакумовых был мой дядя Михаил, он один задержался в Алексине, все остальные братья поселились в Туле. Он был в поиске своего места в этой жизни и работал землемером, приходил вечером домой усталый, и как человек, который приносит в дом свою зарплату, требовал определённого к себе уважения. Его ежедневный приход с работы совпадал со временем, когда семья в кухне – столовой ужинала, чем бог послал. В один из таких вечеров, задержанный каким – то неприятным фактом на работе, он, поковыряв вилкой в сковородке, которую подавала ему мать – Елена Агеевна, вдруг с возгласом: «Разве это ливерок?», запустил в бабушку сковородкой. Инцидент тотчас с трудом был погашен Еленой Агеевной, но моя детская память зафиксировала этот «ливерок».

Дядя Миша тоже не преминул понынчиться со мной, ребёнком 3-х лет. В свободное от работы время он взял меня на руки и отправился к Жаринскому колодцу. Наш путь пролегал мимо кургана, существовавшего в то время на пути в Жаринку через редкие заросли лиственных деревьев. Наверное, я не помню, было это в тот раз или нет, я часто просился на руки к дяде Михаилу. Хорошо помню, что, возвратившись, он оправдывался перед сёстрами, говоря,

что я слишком тяжелый ребёнок, что он очень устал, в результате того, что всю дорогу нёс меня на руках. Почти всё время дядя Михаил твердил бабушке, что флигель, находившийся в правом углу нашего двора, это его дом. И что флигель надо сохранить для него – Михаила. Михаил Григорьевич недолго работал в Алексине.

Вскоре он уехал на Кавказ, где также работал землемером. Как он потом рассказывал, жизнь его на Кавказе была привольной и богатой событиями. Вспоминая о Кавказе, дядя Миша говорил, что в отношении питания у него были богатые возможности. Он говорил, что, просыпаясь утром, он без труда выкатывал из – под кровати спелый арбуз, и тут же разделявал его на сочные, спелые ломти. Тогда он шеголял непонятными словечками «шеху», «модекаку». Что означали эти слова неизвестного мне языка, я не знал. Помню только, что с помощью этих слов дядя Миша пытался командовать в семье. На этом его приключения не кончились. Вскоре, после своей очередной отлучки из родного дома, он вернулся в Алексин с женой и маленькой дочкой. Это его возвращение ознаменовалось потерей моей свободы в связи с тем, что в нашей гостиной появилась детская кроватка со спящей в ней девочкой. Эту кроватку я должен был качать, когда моя грудная сестра не хотела спать. Вот тогда – то дядя Михаил и заявил свои права на флигель. Вскоре дядя Михаил, его жена тётя Маруся и моя маленькая сестра поселились в том флигеле, который впоследствии дядя Михаил разобрал и построил дом в конце нашего сада, там, где был сад антоновских яблок. В этом доме его семья, которая потом пополнилась двумя сыновьями, прожила всю оставшуюся жизнь.

Помню, как наш дом навестил дядя Володя (Владимир Георгиевич Золотарёв). Он был одет в военную форму со шпалой в петлице. Он вообще был красивым мужчиной, с запоминающейся внешностью, чему способствовала блестящая военная форма и шпала в петлице. Во всяком случае, я отлично помню, как вслед ему глядели встречные женщины. В этот свой визит в Абакумовский дом дядя Володя подарил мне дорогую авторучку, выполненную в виде пёстрого узорчатого малахита. Дядя Володя в то время служил в Красной Армии на Западе, в Белорусском военном округе. Наверное оттуда, с Запада, где была соседняя Прибалтика, и пришла к нему эта красивая авторучка. Кстати, эту ручку отец у меня, тотчас отобрал, заявив, что мне ещё рано писать такой ручкой. Правда, я этого мнения отца не разделял.

Последовательно справлялись в Абакумовском доме религиозные праздники, особенно Рождество и Пасха. На рождество всегда наряжалась ёлка. Красивые ёлочные украшения, сохранившиеся в доме с прежних времён, каждый год заставляли меня думать о том, как я смогу создавать образы, рождающиеся в моей голове. Когда же наступали весенние дни, справлялся праздник Пасхи. Тогда старшая сестра моего отца, тётя Вера в специально приспособленном для этого лотке высекала овёс. Через короткое время овёс прорастал, и в лотке получались нежные, ярко-зелёные всходы. Когда наступали пасхальные дни, тетя Вера укладывала в зелёные всходы овса окрашенные в разные цвета яйца. Эта процедура была одним из признаков наступающего праздника Пасхи. Из творога особым способом приготовленная масса укладывалась в деревянную коническую форму с вырезанными на её стенках буквами «Р» и «Х», что означало Рождество Христово. Затем форма разбиралась, и на столе во всей своей красе оставалась коническая творожная пасха.

Она была нежно – желтоватого цвета и была вкусная и сладкая. С наступающим праздником все как один начинали целоваться со словами «Христос Воскресе» и шли к столу. Всё это происходило в праздник Пасхи. Это то, что запомнилось мне, 7-ми летнему мальчишке.

На дворе был 1931 год. В этот год моей матери удалось съездить на отдых в Крым. В открытке, которую она прислала из Крыма, было написано, что она пишет нам из Чамачага, куда они пришли из Ялты, шли 16 вёрст через Ливадию, Ореанду, Хоракс и Кореиз, что спать приходится в палатках и завтра пойдут в Алупку. Тогда она прислала фотографию, где её сфотографировали сидящей у моря, среди округлых каменных глыб. Она была одета в тёмный закрытый купальник и улыбалась мне с фотографии ласковой улыбкой. Я в то время, истос-

ковавшийся по материнской ласке, остро почувствовал настойчивое желание своими силами перевести на бумагу с фотографии её образ. Я был уверен, что это мне удастся. Я так хотел, чтобы милый мне образ ожил под моими руками. В полной уверенности в том, что у меня всё получится, я взял карандаш и, положив фотографию на бумагу, стал обводить изображение матери так, чтобы оно перешло на бумагу. Каково же было моё удивление и разочарование, когда в результате моих усилий, на фотографии остались вмятины от карандаша, изображение было испорчено, а на бумаге получились неясные расплывчатые контуры, никак не похожие на маму. Это был мой первый опыт воспроизведения образа, который я пытался создать своими силами. Позднее, когда я подросток, я понял, что только фотография способна помочь мне своими силами создавать на бумаге полюбившиеся мне образы.

По соседству с домом деда Егора жила семья Стечкиных. Немного забегаю вперёд, скажу, что тётя Лена, знакомая с доктором Стечкиным, в своё время, просила его, чтобы я мог проводить свободное время с мальчиками Стечкиными в их доме. Вскоре я стал посещать их дом. У мальчиков Стечкиных в комнате, где они проводили своё свободное время, я увидел совершенно невероятное явление. У них посреди комнаты стояла настоящая школьная парты, где мальчики должны были заниматься. У меня дома такого не было, об этом я мог только мечтать. А вот у них я увидел нечто для меня несбыточное. Мальчики приняли моё появление, как что-то очевидное и посветили меня во все детали своего свободного времени. Среди многих их увлечений было то, что уже в то время они увлекались изготовлением из дерева подобия пистолетов, которые они делали так, что пистолеты могли по – настоящему стрелять горохом. Эту стрельбу из пистолета они мне наглядно показали.

В соседней комнате у них была богатая библиотека, с которой, конечно, не могли сравниться книги Абакумовского дома, хотя и у меня дома были хорошо представлены выдающиеся произведения русской литературы. А также некоторые бульварные романы, из которых я хорошо помню роман «Ундина».

Библиотека Стечкиных отличалась от нашей тем, что это было собрание очень многих тяжелых фолиантов с непонятным мне содержанием. Я понял, что некоторые из них имеют отношение к лечению болезней. Это была библиотека отца мальчиков Стечкиных, алексинского хирурга, прославленного среди жителей города своими дерзкими и красивыми операциями. В этой библиотеке, поняв, что содержание фолиантов мне недоступно, я использовал их с одобрения моих новых товарищей, в качестве элементов, пригодных для сооружения разных «конструкций». Мальчики Стечкины, увлеченные своими пистолетами, мне не мешали.

Обычно бывало так, что я приходил к деду Егору, как в свой дом. Здесь я тоже был единственным внуком – мой старший брат Юра (он был первым внуком) уже не пользовался вниманием бабушки Анастасии Ивановны. Он считал себя взрослым и соответственно вёл себя в отношении к бабушке и деду. Вот почему я считал, что моё положение в доме деда Егора было таким же, как у бабушки Елены Агеевны. Дед Егор всегда встречал меня радушно и первое, что он делал, вёл меня в сад, примыкавший к дому, в котором он постоянно держал под стрехой беседки, у кровли отборные яблоки, которые лежали там в сене. От долгого лежания они приобретали отличный вкус. Ими-то и угощал меня дед, приводя в беседку. Так было всегда, когда я приходил один. А если я приходил с моими двоюродными сёстрами Галей и Лялей, то нас усаживали за стол и угощали на славу.

Мне запомнился один смешной эпизод такого застолья. Я по настоянию бабушки Елены Агеевны закрывал голову от солнца подаренным мне отцом плетёным из соломки картузом. Картуз от долгого употребления сверху прохудился. А по-мнению бабушки Елены Агеевны, он должен был закрывать мою стриженую под нулёвку голову. Чтобы защитить голову от солнца, я клал в картуз листья лопуха, таким образом, закрывая голову. Я носил этот картуз, не снимая, как того требовала бабушка Лена. Возвращаюсь к тому эпизоду, когда мы – Галя, Ляля и я были усажены бабушкой Настей за стол и нас стали угощать. Я, как всегда, не снимал свой

привычный картуз. В это время в комнату, где мы сидели за столом, вошел дед Егор. Увидев меня за столом в моём злосчастном картузе, он громко спросил «видал ли я волков?», на что я в замешательстве ответил, что нет, не видал. Тогда дед повторил свой вопрос в другой форме, он спросил «а в шапке дураков?». Чем поверг меня в страшное смущение, а моих сестёр, Галю и Лялю заставил громко надо мной смеяться. Этот эпизод заботы деда Егора о моём поведении за столом остался в моей памяти.

Кроме таких «приёмов» в доме деда Егора, я ещё пользовался его расположением в свободе моего поведения. Приходя в дом деда, (я был там единственным внуком мужского пола, всячески обласканным бабушкой Настей, которая любила меня больше других детей), я чувствовал себя как дома. Ничто не было мне недоступно. Я этим пользовался и копался в книжных шкафах в разных комнатах, где мне нравилось. В доме деда был парадный вход, который вёл через парадную дверь. Нужно было войти в эту дверь и подняться по ступенькам. Там в летней комнате, меня, в первую очередь, интересовал большой книжный шкаф, доверху забитый всевозможными томами. Внизу шкафа было отделение, где были сложены нестандартные по формату книги, нет не книги. Это были прекрасные альбомы. Когда я начал в них разбираться, я понял – передо мной раскрывается совершенно новый мир, в котором существовали образы и понятия, до сих пор мне совершенно незнакомые. Этот мир был представлен в шкафу деда Егора роскошными изданиями, созданными на чужбине. Я понял это, потому что текст, поясняющий содержание альбомов, был на чужом языке. В альбомах были рисунки, выполненные настоящими мастерами своего дела.

Их было больше сотни. Они повествовали о сказочном мире, где главным богом был громовержец Зевс. Там в полях и лесах бродили прелестные пастушки и пастухи, услаждавшие слух пастушек игрой на свирелях. Среди лесов и роц скользили нимфы – юные и осторожные, вслед им, стремясь их настигнуть, бросались козлоногие сатиры, от которых трепетные нимфы стремглав спасались бегством. Всё это было изображено на листах альбомов, лежащих в шкафу деда Егора. Их содержание, видимо, рисовали настоящие мастера настолько реально и живо, что оно невольно оставалось в памяти не как гениальное творение художников, а как живые нимфы, сатиры, пастухи и пастушки – образы, полные живого действия и экспрессии. Созерцание этих альбомов захватило меня настолько, что я неоднократно пускался в изучение их содержания. И каждый раз я находил там новое, незнакомое.

Так, в доме деда Егора я познакомился с иллюстрациями, повествующими о мифах древней Греции и Рима. Однако, там, в книжном шкафу деда, было ещё много разной литературы. Несколько позже, когда я подросток, и меня стало интересовать содержание книг, которые находились в шкафу, мне попались три тома переведённого на русский язык Гомера. Это были Илиада и Одиссея, которые я пытался читать, но не сумел одолеть тяжелый стихотворный размер русского перевода Жуковского. Я с сожалением отложил их до лучших времён. Уже тогда я начал сознавать, что же за человек был мой дед Егор, если в его шкафу я отыскивал Илиаду и Одиссею Гомера.

Копаясь в книжном шкафу деда Егора, я нашёл толстый журнал «Нива». Не знаю, за какой год он был, но я заинтересовался им и стал его листать. Среди прочих ярких воспоминаний мне хорошо запомнились броские рисунки неизвестных мне художников. Там был и рисунок, изображавший отдыхающего воина в полном вооружении, под которым стояла надпись «Святополк окаянный». Меня остро задело изображение этого воина. Впоследствии я узнал, что Святополк – один из русских князей, провинившийся перед своими братьями. Был в этой «Ниве» и ещё один рисунок, взволновавший меня своим содержанием героического порыва. Это был рисунок, изображавший стремительный боевой бросок германцев с подписью «Битва в Тевтобургском лесу». В моей голове такие воинственные образы вызвали острые сопереживания, свойственные раннему мальчишескому поклонению всему героическому, связанному с воинской славой.

Воспоминания детских лет сохранились в моей памяти до сих пор. Вспоминаю как я, будучи ребёнком, с удовольствием играл разноцветными костяными фишками, которые утром приноси домой отец и отдавал их мне. Помню, он говорил мне, что выиграл их во время игры в преферанс и что это его выигрыш. Я не понимал, что такое «преферанс» и что такое «выигрыш». Но фишки были такие славные и разноцветные и мне было достаточно, что я получал от отца яркую цветную игрушку.

Отец говорил о своём знакомстве с Юдинским, с которым он играл в преферанс. Сначала я не понимал, что это такое (смысл его слов я понял много позже). Тогда в стране властвовала новая экономическая политика, это запомнилось мне ещё и тем, что отец, хорошо знакомый с семьёй Вальпетр, ввёл меня туда, чтобы я мог там общаться с моими сверстниками.

Это была семья, в которой главой был латыш, его в гражданскую войну, тяжело раненого, выходила медсестра (теперь его жена). Из сверстников в этой семье была Верочка Вальпетр. Она была школьницей, всего на 2 года старше меня, но ничего не имела против того, чтобы участвовать в моей игре. Я в то время был увлечён красочными представлениями цирка и пытался в игре представить иллюзиониста КИО¹. Для этого вместе с Верочкой мы расставляли в большой комнате квартиры разные игрушки, которые в нашем понимании должны были изображать артистов цирка. Я накидывал на себя старую разноцветную скатерть, обозначавшую мантию КИО, и мы всё это приводили в движение.

Отступая от моего повествования, хочу сказать, что в этот период моя жизнь состояла из сплошных переездов из Алексина в Тулу и из Тулы в Алексин. В то время сообщение Алексина с Тулой было только поездом. Хорошо помню, как этот поезд, останавливаясь на каждом полустанке, медленно тащился от Алексина к Туле под аккомпанемент одинокого голоса кондуктора, выкрикивавшего названия станций «Ферзиково», «Рюриково», а по мере приближения к Туле в законной тьме было видно море огней большого города. Я тогда мирно спал, убаюканный перестуком вагонных колёс, а отец будил меня, говоря: «Вставай, уже приезжаем в Тулу». Такой в то время была моя жизнь, в которой Тула была местом, в которое надо было ездить из Алексина поездом.

Мой первый заплыв через Оку состоялся тогда, когда мы с нашим вожаком Лёшкой Лебедевым пошли в очередной поход к Оке, наша мальчишеская ватага останавливалась у Жаринского берега, за рекой. Напротив каменного карьера, расположенного на другом берегу Оки, был бесхозный яблоневый сад. Лёшка, не дождавшись конца споров, как плыть через Оку на другой берег, один переплывал реку, и, глядя на наши сборы, победно расхаживал на другом берегу, напевая что-то торжественное, созвучное с его успешным заплывом. Глядя на насмешливую демонстрацию его успеха, мы решались последовать его примеру и, зайдя вверх по течению реки так, чтобы течение не отнесло нас дальше того места, где расхаживал Лёшка, всем гамузом бросались в реку и усиленно гребли, стараясь одержать верх над сильным течением Оки.

Я тогда первый раз плыл через Оку, вскоре мы вылезли на другом берегу Оки, там, где стоял Лёшка. Что говорить о том, каких усилий стоил мне этот заплыв. Придя в себя, мы пробирались в яблоневый сад, где, кто как мог, набивали яблоками наши пазухи (мы плыли в трусах и майках). Потом вместе с Лёшкой мы пускались в обратный заплыв к нашему берегу. Наверное, я не вполне рассчитал свои силы.

Надо было дольше передохнуть на том берегу, я почувствовал это тогда, когда мы подплывали к нашему берегу. Изо всех сил работая руками и ногами, я плыл вместе со всеми по – собачьи. Я в это время ещё не умел плавать никак иначе.

Совсем близко от желанного берега, я понял, что силы мои на исходе и судорожно удвоил работу руками и ногами. Я догадывался, что берег совсем близко, но меня тянуло в пучину

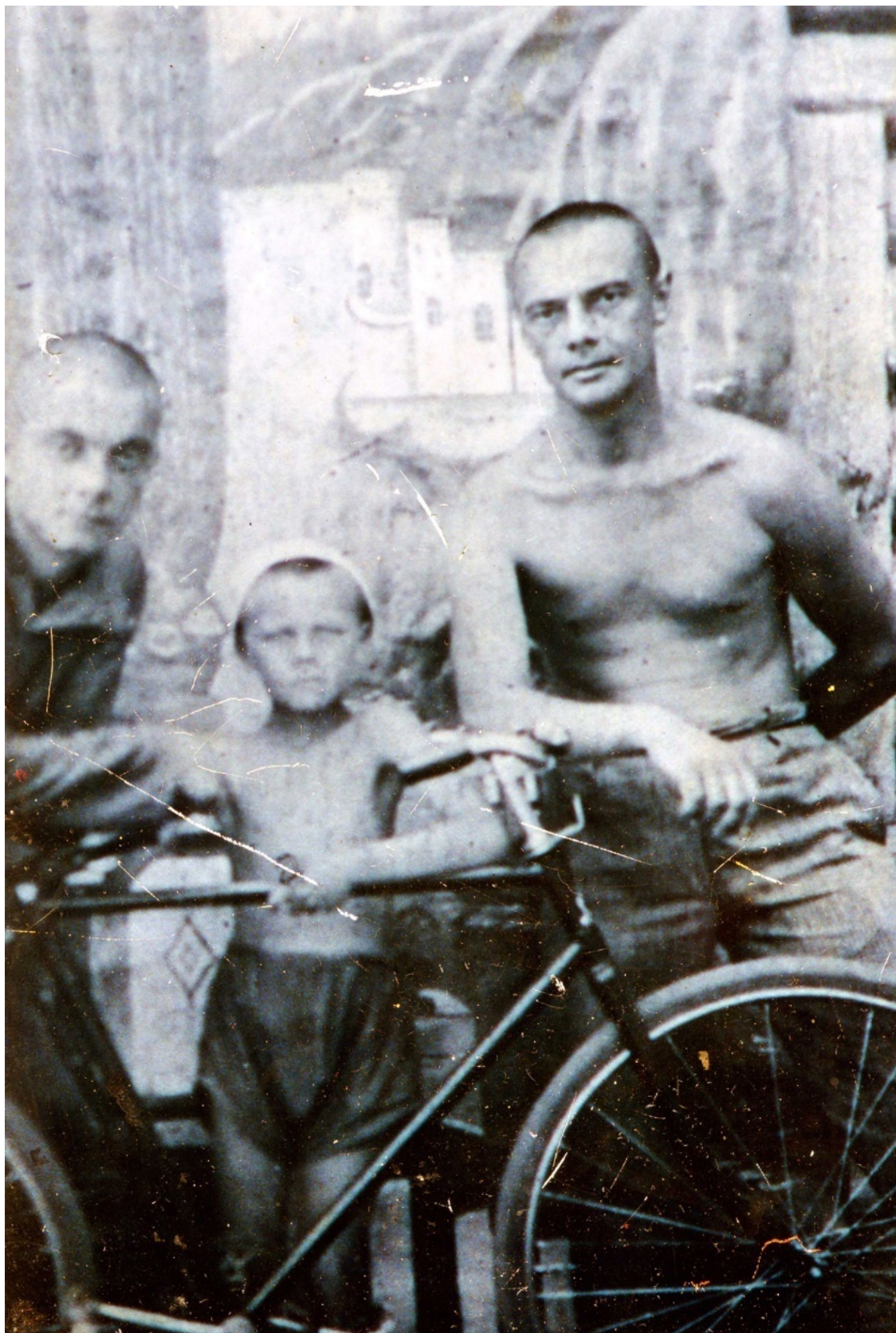
¹ Псевдоним известного в свое время фокусника

реки. И я, выставив из воды подбородок, так, чтобы можно было дышать, изо всех сил грёб руками, стараясь ступить ногами на дно. Берег был невероятно родным, я попытался встать на ноги, но оказалось, что дна под моими ногами ещё нет. С последним отчаянным порывом я буквально через силу выпрыгнул из воды, жадно глотая воздух, и рванувшись вперёд, ногами стал на дно.

Пазуха, набитая яблоками, тянула меня в воду, но я уже стоял на ногах у берега. Это были последние мгновения первого заплыва. Вместе с другими мальчишками выбравшись на берег, я постепенно приходил в себя. Чувствуя страшный голод, подстёгнутый усилиями, затраченными на преодоление речного простора, мы с жадностью пожирали запасы огурцов и морковки, набранные нами на огороде, через который каждый раз направлялись в бор. Огурцы и морковка были в этот раз такие вкусные и сочные, что мы проглотили наши запасы в мгновение ока. Вожак Лёшка, тепло посмеиваясь и лукаво поглядывая на нас, тоже попробовал огурцов, моркови и яблок. Потом, окончательно придя в себя, мы обсуждали детали нашего заплыва, греясь на ласковом солнышке. Придя в себя и утолив таким образом голод, мы каждый раз направлялись в бор. Это был мой первый заплыв через Оку.

В тридцатые годы прошлого века у моего деда Егора было только двое внуков. Один, старший – Юра, сын старшей дочери деда – Нины Георгиевны и Родионова Михаила Петровича. Вторым внуком, моложе Юры на 10 лет, был я. Всё остальное потомство его сыновей и дочерей было представлено внучками. Значительно позже, когда дед Егор уже ушёл из жизни, родился внук Александр – потомок старшего сына Ивана. Он деда не знал и рос под сенью любви отца. Итак, нас было двое, представлявших мужской род следующего поколения. Юра и «Лёвочка», так ласково называл меня Юра. Он к этому моменту был взрослым человеком, если мне тогда было 10 лет, ему было 20. Я думаю, он искал моего общества, это было заметно, каждый раз, когда он приходил к дому Абакумовых (Юра жил в доме деда) и, заглянув к нам, спрашивал: «Лёвочка дома?» и, когда получал положительный ответ, встречал меня с улыбкой.

Мы вдвоём ходили на рыбалку за «Попов Верх» в Жириху, где у большого камня был омут. Я тогда только учился рыбной ловле.

С отцом и дядей Симой в Жирихе
Собираясь на рыбалку, мы с Юрой обычно шли не через бор, а сначала по дороге в Буна-
рево, потом сворачивали в лиственный лес, спускавшийся с возвышенности к Жирихскому

лугу. Частенько мы шли по просеке, проложенной через этот же лиственный лес почти до самой Жирихи. Единственное, что нас задерживало в пути, были многочисленные гадюки. Юра пройти мимо них спокойно не мог. Он ловко ловил их и бросал в муравьиные кучи, где муравьи тотчас на них набрасывались. Потом мы продолжали наш путь, спускаясь вниз по склону, и выходили на луг Жирихи. Там у большого камня был омут, где хорошо ловилась уклейка. Пока мы ловили уклейку, Юра успевал сплавать на лежащий напротив камня песчаный остров. Юра был в отличной спортивной форме, и я всегда с восхищением наблюдал его заплывы.

Не одни мы были в районе Жирихи. По ту сторону реки часто слышались звонкие девичьи голоса, которым мы с Юрой внимали не без удовольствия. А часто мы слышали оттуда и пение девчат. Там убирали сено. Голоса девушек доносились ясно и чётко, а мелодии частушек были оригинальны. Потом мы Юрой нигде подобных частушек не слышали. Истратив весь запас мушиной наживки, заготовленной для ловли уклейки, мы забирали куканы с рыбой и отправлялись в обратный путь. Обратно мы всегда шли через Жаринку и бор. По дороге, в Жаринском бору мы пили холодную ключевую воду. Рыбы у Юры было всегда больше. Но он говорил, что это кошке на завтрак. Так проходили наши походы в Жириху к омуту у большого камня.

Когда Юра уехал в Москву учиться в институте, я стал ездить в Жириху с отцом. У отца был отличный, лёгкий велосипед фирмы «Три ружья». Он возил меня на велосипедной раме, сажая впереди себя. Но по просеке мы шли пешком, велосипед там пройти не мог. Наш путь лежал мимо Жаринского колодца и по дороге, которая пролегла по краю листового подлеска, с уклона спускавшегося к Жирихскому лугу. Эти поездки с отцом в Жириху занимали, как правило, гораздо больше времени, чем тратили на эти походы мы с Юрой, но Жириха всё равно оставалась желанной. Если это было нам пути, нас сопровождал неповторимый аромат цветущего Жирихского луга. Отец всегда брал с собой что-нибудь поесть, в его кармане постоянно был складной стаканчик, который он вынимал каждый раз, когда мы проезжали Жаринский колодец.

Там мы обязательно пили холодную Жаринскую воду. Это был своеобразный ритуал, без которого не обходилась ни одна поездка. В одну из таких поездок нас сопровождал дядя Сима, младший брат отца. С ним мы ехали значительно дольше – там, где мы могли ехать, дядя Сима шёл пешком. В тот день, во время нашей поездки на обратном пути из Жаринки мы заехали в бор. В бору в то время было шесть хороших утопанных дорожек, которые выходили с приокских лугов к Домам отдыха, расположенным на опушке бора. Проехав с луга по четвёртой дорожке, мы выехали к дачам, где в тот день работал уличный фотограф. Проезжая мимо, отец предложил сфотографироваться на память о поездке, и мы двинулись к фотографу.

В то время уличные фотографы работали без негативов. Их громоздкая фотоаппаратура имела выдвижную кулису, на которой располагался первый негативный отпечаток. Он, после проявления (в фотоаппарате внутри была мини лаборатория), выполнялся на мокрой бумаге. Этот первый бумажный отпечаток имел негативное изображение. После фотографирования негативный отпечаток помещался на выдвижной кулисе, на нём ещё были остатки воды. На этот раз фотограф снимал мокрый негативный отпечаток, расположенный на кулисе. В результате он получал второе позитивное изображение. Этот мокрый позитив фотограф отдавал тем, кого он снимал. Так было и в этот день. Фотограф отдал отцу позитив, а я выпросил у него первый.

Отцовский позитив я больше не видел, а мой негатив хранится у меня до сих пор. Впоследствии я сделал с него прекрасный позитив. Он отлично напомнил мне тот яркий, солнечный день. Тогда отец довольно долго отдыхал в Алексине, и в одной из таких поездок мы ездили с ним по четвёртой дорожке на Пасхаловский пляж, который в то время служил постоянным местом, где купались отдыхающие Дома отдыха. Когда, искупавшись, мы возвращались через бор и выехали на дачную поляну, отец, увидев автомобиль, захотел меня покатасть. Не

знаю, как он договорился с шофёром, а это был не шофёр, а владелец машины. Но только отец, оставив велосипед в одной из дач, повёл меня к автомобилю и спросил, хочу ли я покататься. Я ответил, что, конечно, хочу.

Для меня катание в автомобиле было таким несбыточным событием, о котором я даже мечтать не мог. Автомобиль был открытый, трёх или четырёхместный. Мы с отцом уселись в мягкие кожаные сиденья, а водитель, одетый в кожаную куртку и короткие брюки с гетрами на ногах, покатал нас несколько раз по дороге, которая пролегла вплотную к стоявшим на опушке бора дачам. Наше стремительное движение в автомобиле по дороге подняло тучу пыли, а я ощутил испуг. Я был вне себя от необычного ощущения – был наверху блаженства.

В моём 10-летнем возрасте у меня было мало навыков к самостоятельному поведению. А Юра уже был наравне с младшим сыном деда Егора – Николаем. Николай в это время жил и работал в Ленинграде, у него был опыт общения с девушками. Это я понял из разговора, состоявшегося между Юрой и Николаем, когда братья Золотарёвы (братья моей матери Надежды) решили организовать капитальную рыбалку. Они в Рыбной взяли рыбацкую лодку, запаслись рыболовными снастями, и по двое сев на вёсла, погнали лодку из Рыбной вниз по течению Оки, в Жириху. А по дороге решили остановиться там, где было сильное течение, что под каменным карьером. В лодке были все братья Золотарёвы, кроме старшего брата Ивана, взяли Юру и меня, и на плаву встали на якорь, стали прикармливать рыбу, но, видимо, остановились не там, где надо. Рыба брала наживку плохо. За два часа поймали только одного небольшого подлещика. Настроение у всех упало.

Оставив удочки на ловлю, решили передохнуть и закусить. Вот тут-то я услышал рассказ Николая, который с интересом слушал Юра. Он был моложе Николая всего лет на пять, хотя был лишь первым внуком деда Егора. Николай рассказывал Юре о том, как он познакомился с заинтересовавшей его девушкой и о том, как дальше развивались их отношения. Юра слушал его, как я видел, с замиранием сердца. Потом, когда Николай привёл в дом деда свою жену, я понял, что разговор Николая с Юрой в ту памятную ночь шел именно о жене Николая – Нине. Это была такая же, как Николай, молодая, симпатичная женщина, она привезла к деду свою дочь, трёхлетнюю Марину, которую я тогда сфотографировал. Тогда увлечение фотографией уже целиком захватило всё моё существо.

Разговор Николая с Юрой, происходивший в лодке, продолжался, и, кроме Юры, этот разговор с интересом слушал я. При этих обстоятельствах я коротко познакомился с историей Николая, младшего сына деда Егора. Вспоминая этот рассказ Николая, который он вёл для Юры, просвещая его в некоторых жизненных ситуациях, я думаю, что он не представлял из себя ничего особенно выдающегося. Но Юра слушал его с интересом, а я ловил каждое слово Николая, мне тоже было интересно. Видя неподдельный интерес Юры, Николай продолжил свой рассказ. Но для меня события этой ночи ещё были впереди. Я этого не знал, и неведение позволяло мне спокойно внимать интересному рассказу о многогранной жизни младшего сына дедушки.

Над Окой сгустилась ночная мгла, изредка слышались всплески игравшей после зари рыбы. Начинался дождь. Сообразив, что на них надвигается неожиданное ненастье, братья стали совещаться о том, как им быть. Пригнать тяжелую лодку под каменный карьер вниз по течению Оки было сравнительно легко, а теперь, думая о том, что им придётся грести в лодке против течения до Рыбной слободы, да ещё под начинавшимся дождём, братья стали думать о том, что им делать со мной, десятилетним мальчишкой, когда они будут под дождём гнать лодку обратно в Рыбную. Из их разговора я понял, что они считают меня ребёнком, хотя я этого не одобрял. К этому времени я успел в летние месяцы на спор самостоятельно переплыть Оку, и это позволяло мне думать, что я не такой уж ребёнок, как думают взрослые. Посовещавшись без моего участия, братья решили высадить меня на берег и гнать лодку без меня.

Решив это, они спросили меня, найду ли я дорогу домой, на что я ответил утвердительно. Ведь это была та самая дорога, по которой я со своими сверстниками ходил в совместные походы на Оку, где я впервые переплыл реку. В общем, я был согласен идти домой через ночную мглу один, под проливным дождём. Я ещё не понял того, что мне придётся идти одному, через ночной бор. Братья высадили меня из лодки, и я ступил на так хорошо знакомый мне по нашим походам с мальчишеской вольницей берег. Я всё ещё не сознавал всей сложности предстоящего мне пути. Пальтишко моё промокло и колтуном сидело на мне, стесняя движения, за шиворот и по телу текли ручьи. Я без боязни ступил на берег и вошел в ночной бор. Начинаясь гроза, видимое пространство обложили синие тучи, со всех сторон сверкали молнии, с оглушительными раскатами грохотал гром. Поднялся ветер, он пробежал по кронам сосен, заставляя их стонать. Ночной бор принял меня в свои объятия с шорохами и звоном. И здесь я, начитавшийся к этому времени Гоголя, вспомнил образ Вия. Меня охватила непонятная жуть. Грозно шумевший ночной бор усугублял сложность ночного путешествия. Сквозь кроны качавшихся под ветром и шумевших сосен, проглядывала из облаков луна.

Я шёл по столетнему ночному бору, меня преследовали образы Гоголя, засевшие в моей памяти. В моём охваченном жутью сознании они казались мне ожившими в обступивших меня тенях ночного бора и овеществлёнными. Я невольно начал оглядываться на каждый неожиданный шум. Где-то кричали ночные птицы. Я знал, что это совы и филин, но этот трезвый факт не прибавлял мне храбрости.

Мои ощущения, пошатнувшиеся под стон ночного бора, с фантастическими образами Гоголя, рождали во всём моём существе непередаваемый ужас происходящего. Гроза бушевала, налетал ветер, но я упрямо шёл через ревущий ночной бор и мне казалось, что ему не будет конца. По спине текло, я промок насквозь, хотя это не в меру реальное ощущение отчасти отрезвляло от страха, который я испытывал перед жуткими образами Гоголя и стонавшего бора. Перед моим сознанием во весь рост стояла вся нереальность ночного марша. Но я шел, уже машинально стараясь преодолеть обступившие меня ночные видения. Я потерял счёт времени в этом кошмарном пути, но упрямо шел, пока, наконец, не вышел к огородам. Эти события были первыми ростками понятия о преодолении трудностей.

И ещё одна картина запомнилась мне с детства. Я сижу в своей комнате за столом вместе с солдатами, пришедшими к нам на постой, и вместе с ними рисую цветными карандашами треугольнички, квадратики и шпалы, значение которых мне подробно объясняет сидящий рядом со мной небритый дядя, одетый в рубашку неопределённого цвета. Из его объяснений получается, что треугольничек – это значок, который носит в петлице их помощник командира, красный квадратик носит комвзвода, а красную шпалу – комполка. Мне это очень интересно. Я старательно вывожу на бумаге красные треугольнички, квадратики и шпалы. Так впервые в жизни я столкнулся с армейскими знаками отличия, которые мне так и не удалось носить. Когда пришло моё время, на мои плечи одели погоны.

Радбужская улица в каком-то смысле находилась по отношению к центру города Алексина, который все мы называли «город». Пошли в «город», иди скорее в «город». На базарной площади тогда стояла церковь и широко отмечали праздники те, кто пришел на базар из деревни. От дома Абакумовых с Радбужа вниз к базару и пожарной каланче шла тропинка справа, мимо дома Щедриных и слева от дома Анисьи. Она входила на мост, переходила через Мордовку. Когда на базаре справляли праздники, там открывались карусели. Одни карусели назывались «никаноры», а другие – «катинцы». Все пришедшие из окрестных деревень с особенной охотой катались на каруселях.

Не минули эти привязанности и нас – мальчишек. Зажав в кулак пятак, необходимый для оплаты катания, мы стремились скорее сесть на деревянного коня, не на те, так на другие карусели. Это было единственным катанием, которое нам было доступно, именно поэтому я с таким восторгом встретил однажды предложение отца покататься в автомобиле. Там же сбоку

собора была липовая аллея. Это был сад, нет, не сад. Там были качели, и веселилась городская молодёжь.

А у входа на базар стояла церковь (которая существовала примерно до 1930-1932 гг). Когда власти решили сбросить с её колокольни огромный колокол, у церкви собралась толпа зевак и верующие, которые критически высказывались по поводу действия властей. Там же были и мальчишки. Чтобы не задеть кого – либо из толпы в момент сбрасывания колокола, те, кто стоял в оцеплении, теснили толпу от церкви, говоря, что тут упадёт колокол. Толпа вырывалась, ссылаясь на то, что не рассмотрела тех, кто сбрасывал колокол.

В этой свалке и я вместе с товарищами, как мог, вырывался из оцепления, и мы стояли за оцеплением и смотрели на обреченную церковь. Видимо, у рабочих не оказалось инструментов, и колокол, как его ни тянули, не сдвинулся с места. И потом решил сдвинуть его на край колокольни. В толпе я стоял против церкви. Наконец, колокол со страшным грохотом обрушился на землю, подняв облако базарной пыли. При ударе о землю колокол раскололся, в изломе его сердцевина была серебристой. Мы, мальчишки, устроили у разбившегося колокола свой «базар». От колокола с золотыми прожилками отбивали куски на память. В этом мальчишеском нашествии на колокол участвовал и я.

Вдоль нашего сада, простиравшегося на всю длину Пионерского переулка, располагался обширный Матвеевский сад. Он тянулся, как и наш, до самого конца Пионерского переулка, с той только разницей, что располагался справа от нашего сада. Этот Матвеевский сад ассоциировался в моём понимании, как Галкин сад, сад моей двоюродной сестры, дочери Александры Георгиевны Золотарёвой, замужем Матвеевой. Галка, как и я, была подростком, на 2 года моложе меня. Она в своём саду была полной хозяйкой, никто из её семьи садом не интересовался. Да и отделялся сад моей сестры Гали от нашего лишь плетнём, который стыдливо именовался забором. Единственным отличием Матвеевского сада от нашего было то, что в нём было очень мало плодовых деревьев. Лично меня интересовали две яблони под названием «Коробовка», которые каждое лето приносили урожай очень сладких яблок. Они были настолько сладки, что, когда они попадали ко мне в рот, у меня создавалось ощущение, словно я проглотил кусочек сахара.

Справа от Галкиного сада был участок Лёшки Лебедева, отгороженный капитальным дощатым забором. В этот Лёшкин сад мы с Галкой никогда не заглядывали. Ещё одной особенностью Галкиного сада было то, что его добрую половину занимал обширный луг, в конце матвеевского сада переходящий в овраг. Вот там-то, где находился овраг, построил свой дом немецкий инженер Вольф. Он приехал с семьёй в Алексин по приглашению нашего правительства, чтобы руководить строительством Химкомбината, о строительстве которого давно ходили противоречивые слухи, но до времени, на этом дело и кончалось; а теперь кирпичный двухэтажный дом немца Вольфа был реальностью, которую нельзя было не замечать. Хорошо помню, как его сынишка Ганс угощал меня, не имевшего возможности позволить себе такую роскошь, шоколадными конфетами. Инженер Вольф имел неплохую зарплату, если его сын мог позволить себе угощать своих однолеток шоколадом.

Нашим с Лёшкой Лебедевым «морским боям», устраиваемым на пруду, который теперь примыкал к усадьбе Вольфа и захирел, пришел конец. Встречи с Лёшкой приобрели несколько иное направление. Лёшка в зимнее время построил у себя в палисаднике из хорошо слежавшегося снега зимнее убежище, в котором были вырезанные из снега шкафы, он закрывал их снежными крышками, а в эти шкафы он укладывал разные безделушки, которые в то время в нашем обиходе имели значение драгоценностей.

Другое дело, когда в Алексин приехала из Москвы бригада, в задачу которой входила рекогносцировка (слово-то какое, тогда я об этом слове и представления не имел) на местности, где будет строиться химкомбинат. Бригада инженеров, решавшая эту задачу, почему-то поселилась в Абакумовском доме.

Эти люди закрылись в «гостиной», где на стене висела огромная картина, изображающая героя библейской легенды Ноя, когда-то собравшего и спасшего от всемирного потопа по одному из всех живых существ, чтобы сохранить их для дальнейшей жизни и доставившего их в своем ковчеге на гору Арарат. На картине Ной был изображен в окружении своих трёх сыновей: Афета, Сима и Хама. Глядя на эту картину, я всегда старался представить Ноев ковчег, полный зверей и людей, гору Арарат, к которой этот ковчег пристал и силился представить себе, что же будут делать на этой горе спасенные Ноем жители Земли. Бабушка Елена Агеевна подробно объяснила мне содержание библейской легенды, о которой повествовала эта картина. Она также читала мне «Евангелие», повествовавшее о том, как сын бога Христос сошел на Землю, чтобы ценой собственной жизни искупить человеческие грехи и потом вознестись на небо к своему отцу – богу Саваофу.

Именно в этой гостиной и поселилась бригада инженеров. Не помню, каким образом к их работе была привлечена младшая сестра моего отца – Ольга Григорьевна. Это была молодая девушка, всего на 10 лет старше меня, из-за чего я звал её просто Лёля. Лёля помогала инженерам, поселившимся в нашем доме, выполнять чертежи, имевшие отношение к будущей стройке Химкомбината. Впоследствии, когда их работа была завершена, инженеры увезли Лёлю с собой в Москву, где она стала работать в тресте крупноблочного строительства чертёжницей и стала московской жительницей. Хорошо помню, как она, приезжая из Москвы, привозила домой вкусные конфеты, с которыми я тогда впервые познакомился. Это было в начале её московской жизни. В Москве Лёля прожила всю оставшуюся жизнь. Там она вышла замуж и родила своего единственного сына Сашу, Александра Алексеевича, который впоследствии стал кандидатом технических наук.

В начале 20 века Алексин был известным подмосковным курортным городом. На его земле, по опушке бора и в бору, строили дачи состоятельные люди, стремившиеся с пользой приятно провести летнее время. Среди них были, как местные жители, так и жители Петербурга и Москвы, хорошо знавшие, что алексинский микроклимат хорош для укрепления здоровья. Надо сказать, что среди этих гостей были многие известные люди. Перечислять их долго. Я приведу, только один пример – так профессор Снегирёв, врач с мировым именем, гинеколог, блестящий хирург и новатор избрал местом своего летнего отдыха Алексин. Владимир Фёдорович писал, что алексинская природа создаёт весьма полезные людям условия для лечения целого ряда болезней. Он построил в бору дачу, украсившую своим обликом город, и постоянно проводил здесь летние месяцы. Петербургский житель Снегирев был хорошо известным в северной столице врачом, пользовавшимся в Петербурге заслуженным авторитетом. Его хорошо знал император Николай II, его услугами охотно пользовалась столичная элита. В результате своей врачебной практики, Снегирёв приобрёл среди столичных богачей репутацию врача, способного успешно лечить их от любых болезней. Этому способствовала его репутация врача с мировым именем.

Среди петербургской элиты была известна фамилия Хитрово. Когда любимый петербургской знатью доктор избрал местом своей летней резиденции алексинский бор, за ним в Алексин потянулась петербургская элита, принявшаяся с лёгкой руки профессора Снегирёва за организацию комфортного отдыха в алексинском бору. Так возникли многие из дач, которые украшали опушку алексинского бора, а в советское время послужили основой для строительства целого ряда домов отдыха и санатория. До революции 1917 года Владимир Фёдорович с помощью алексинских властей организовал в городе стационар, где лечил съезжавшихся на лето петербургских и московских клиентов, алексинских жителей, а также всех, кто приходил к нему со своими болезнями. Для Алексина это время было прекрасной порой.

Рядом с дачами, на опушке бора существовал драмтеатр, где играли знаменитые московские артисты. Рядом стояло здание ресторана, а недалеко был кинотеатр, где уже в то время шли первые немые фильмы. Кинотеатр сохранился и в то время, когда я, 10-летний маль-

чишка, с алексинской уличной вольницей ходил в свои походы. Мальчишки всегда стремились посмотреть очередной интересный фильм. Хорошо помню захватывающий приключенческий фильм из жизни воинов, боровшихся за свою независимость. Он эффектно кончался трагической гибелью отряда Утту Микавы.

Абакумовский дом был постоянным пристанищем для разного рода гостей. Вот и семья Хитрово неожиданно поселилась летом в нашем доме. Это была семья, предки которой знали Алексин ещё Снегирёвской поры. Они приехали из Ленинграда. Она – Хитрово, жена Николая Ивановича, специалиста по доменным печам, как он рассказывал, жившего в ожидании крупной денежной премии за свою новую разработку. Помню их разговор, который произошел на памятной скамье, стоявшей под столетней елью в нашем саду. Он звал меня, 12-летнего подростка, «Yut boy Leve». Я воспринимал это определение, как тренировку в произношении английского языка. Его жена Хитрово с укоризной заметила, что вот мол «ты произносишь что-то на английском, а когда была у нас английская делегация, ты не мог произнести ни слова по – английски». Разговор этих двух супругов, являвшихся потомками старой интеллигенции из Петербурга, которая когда-то вслед за профессором Снегирёвым потянулась в Алексин, напомнил мне о том, как в моем сознании уложился факт строительства дач на опушке Алексинского бора.

В нашей семье существовало предание о том, что бабушка в канун первой мировой войны в одной из алексинских дач была на аудиенции у знатной петербургской барыни Хитрово. Тогда Елена Агеевна взяла с собой малолетнюю дочь Леночку. Как рассказывала потом тётя Лена – она была тогда робкой, легко смущавшейся девочкой. Робость её была настолько велика, что во время этой встречи, проходившей в богато убранной гостиной, она даже не посмела войти вместе с матерью, а в смущении остановилась у порога, боясь ступить на блиставший чистотой пол. Вспоминая этот жизненный эпизод, тётя Лена, говорила, что свидание проходило в доверительной обстановке – петербургская барыня хорошо приняла Елену Агеевну. По – мнению тётя Лены, её мать была очень довольна тёплым приёмом петербурженки.

Теперь, приехав к нам, Хитрово прочно поселились в «зале», где стояли ломберные столы, приобретенные ещё дедом Григорием. Хитрово свободно чувствовали себя в доме, и по всему было видно – они покинут его не скоро. Я с удивлением наблюдал, с каким уважением и робостью, стараясь не спугнуть супружескую пару, наблюдала их жизнь тётя Лена. Она знала об их необычном происхождении – принадлежности рода Хитрово к старой петербургской элите. С этой супружеской парой у меня связано воспоминания о Марии Николаевне Щегловой, алексинской жительнице, известной в Алексине своими литературными опусами. Я хорошо помню, как Щеглова, в свободный от всяких дел вечер, читала супругам Хитрово своё литературное творение. Моё присутствие в «зале» супруги терпели и не требовали, чтобы я покидал их общество.

С замиранием сердца я слушал вдохновенные строки Щегловой, повествовавшие об алексинской природе, которая с наступлением вечерней прохлады медленно угасала и, засыпая, теряла своё дневное очарование. Она читала своё произведение, а Хитрово и конечно я, разинув рот от изумления, слушали её чтение. Я заметил, что Щеглова вела своё повествование по тетради, где мелким, убористым почерком были описаны прелести алексинской природы. Слушая её чтение в тот далёкий вечер, я впервые понял, что алексинскую природу можно не только наблюдать, но можно также и описать её необыкновенную красоту.

Незадолго до того времени, к нам в Алексин приехал Володя, брат тётя Лиды, жены моего дяди Серафима. Я видел, как Володя каждое утро делает разные упражнения. Через некоторое время он преподавал мне тонкости физкультуры. Он объяснил, что если я хочу научиться по – настоящему бегать, надо бегать по – стайерски, не торопясь и экономя силы. Я усвоил это и какое-то время организовывал забеги вместе с Михальком Залесским. Мы с ним совершали прогулки бегом в Жаринку, Жириху, к Попову верху и прочие отдалённые места.

В это время брат Юра уехал в Москву – он учился в Плехановском институте и теперь компанию мне составил Михалёк, он был сыном Павла Михайлович Залесского, арендовавшего у нас дом, что на углу Пионерского переулка. Залесский был интересным человеком. Мой интерес к отцу Михалька проявился потому, что у него была богатая библиотека, в которой я повадился брать книги. В его библиотеке были интересовавшие меня в то время увлекательные, приключенческие романы Луи Буссенара, Жакколио, другие интересные произведения.

У Павла Михайловича в спальне, на стене висела броская картина, изображающая обнаженную женщину. Когда я бывал в их доме и приходил в библиотеку, я всегда старался не смотреть в ту сторону, где висела картина. Мне почему-то было стыдно на неё смотреть. Володя вскоре уехал. Его, брата жены дяди Серафима, я больше не встречал. Дядя Сима был убеждённым коммунистом, членом партии с 1932 года.

Когда я бывал в Туле, я по обыкновению брал в его библиотеке произведения Джека Лондона и интересные экземпляры журнала «Мир приключений». В этом журнале я впервые познакомился с первыми в моей жизни произведениями фантастики. Помню такие произведения, как «Голова профессора Доуэля», «Человек – амфибия», печатавшиеся в то время в журнале «Мир и приключения». Посещая дом Залеских, я узнал, что Павел Михайлович в прошлом держал мельницу на притоке Оки, речке Вашане. В семье бытовал культ женской красоты, наверное, почерпнутый Залесским в его библиотеке. Среди приключенческих романов были и книги о древней Греции, её богах и мифах. Позднее, общаясь с братьями Залескими, Михальком и его старшим братом, я понял, что Павел Михайлович не скрывал от своих сыновей поклонение женской красоте.

Наши забеги с Михальком на стайерские дистанции в Жириху по местам, памятным мне по походам с Юрой, продолжались. В ходе этих забегов я научился правильно дышать во время дальнего забега, чего не могу сказать об умении Михалька, которого я безрезультатно пытался этому научить. Михалёк на половине дороги выдыхался и бежать дальше вместе со мной не мог. Тогда я пытался отрабатывать дыхание «бегом на месте», приноравливаясь к замедленному движению Михалька. Так с трудом мы все – таки добирались в Жириху. Тогда с братьями Залескими я ходил на песчаные острова, которые в то время намывала Ока. Самые большие острова на Оке были там, где мы с Михальком под конец нашего забега выходили из леса на луг Жирихи.

Впечатления, почерпнутые мной в результате общения с семьёй Залесского, были в чём-то созвучны с моими детскими впечатлениями, занимавшими меня в пору раннего детства, когда в книжном шкафу деда Егора я нашел альбомы с образами мифов древней Греции. Тогда эти альбомы, населенные обнаженными нимфами и козлоногими сатирами, красочно говорили о юной женской красоте. Как сложилась судьба сыновей владельца мельницы на притоке Оки – Вашане, я не знаю. Впрочем, впоследствии, в Алексине до меня доходили слухи о жизни Михалька (Михаила Павловича Залесского). Вроде, он пережил войну и жил в Алексине в свои зрелые годы, но я с ним в то время не встречался.

Потом в юности, когда у меня определили понятие «абсолютный слух» и стало ясно, что моя семья неспособна учить меня музыке (я в то время жил вдвоём с матерью на её зарплату в 35 рублей), я пристрастился с постоянным вниманием к чёрной тарелке – репродуктору, через которую Москва передавала классическую музыку. Внимая музыкальным передачам, я забывал, что надо делать домашние задания. Услышанная мною мелодия Вагнера «Полёт валькирии», заставила меня вспомнить давнее впечатление, полученное мною при просмотре рисунка «Битва в Тевтобургском лесу» в журнале «Нива», в книжном шкафу деда Егора. Это впечатление слилось в моём сознании с мелодией Вагнера настолько, что я уже не мог отделить одно от другого.

Так тешил я мой музыкальный слух. В то время меня увлекали музыкальные образы многих композиторов, среди которых я особенно любил произведения Бетховена, Бизе, Ваг-

нера, Чайковского, Грига, Бородина, особенно Героическую симфонию Бетховена; «Пер Гюнт» Грига, где мне особенно нравилась мелодия Грига «Танец Анитры». На этом мои музыкальные привязанности не кончились. Москва через тарелку репродуктора передавала ещё оперные арии и романсы именитых певцов Собинова, Шаляпина, Лемешева, Козловского. Кроме их прекрасных голосов, зачастую звучали оперные арии в исполнении легендарных исполнителей прошлого Тито Гобби, Аделины Патти, Амелиты Галли Курчи. Они демонстрировали образцы настоящего итальянского «бельканто». Эти арии легко укладывались в моей юношеской памяти, так, что я через некоторое время мог для себя уверенно воспроизводить их необыкновенную красоту. Любовь к музыке, её классическим произведениям, сопровождала меня в течение всей моей жизни.

В то время я услышал не по радио, а в непосредственном исполнении «Лунную сонату» Бетховена. Это случилось, когда я неожиданно попал на семейное торжество начальницы моей матери, психиатра Христовой – Шостак Марии Ивановны. В числе приглашенных был врач, видимо связанный с Марией Ивановной узами дружбы. Он после долгих уговоров и просьб хозяйки с трудом согласился, ссылаясь на то, что при исполнении Лунной он слишком сильно переживает её содержание, исполнить сонату Бетховена.

Так я впервые услышал Лунную сонату. Его исполнение потрясло меня до глубины души. Моё увлечение музыкой не было чем-то преходящим. Оно увлекало меня и впредь. Особенно запомнились произведения Бизе – опера «Кармен» и «Хабанера». А когда стал известным и вошёл в круг советских композиторов Родион Щедрин, меня восхищала его «Кармен – сюита».

Слушая это произведение, я не раз вспоминал музыкальные упражнения братьев Щедриных, доносившиеся ко мне в далёкие годы детства из дома напротив. Впоследствии, я убедился в том, что именно их концерты, подслушанные мной, мальчишкой, сыграли решающую роль в становлении моего музыкального слуха. Иначе и быть не могло, ведь в Абакумовском доме я мог слышать разве что гитарные аккорды, извлекаемые моим дядей Михаилом и его сестрой Ольгой из видавшей виды гитары. И может быть, еще в их же исполнении мещанские романсы, которые, надо сказать, были написаны на стихи таких знаменитых и известных поэтов, как Есенин, Тютчев, Фет.

Наш сад был не только моей вотчиной, но и с течением времени стал ареной, где разворачивались события, в которых активное участие стала принимать Лёля. Она отличалась от остальных сестёр Абакумовых тем, что не замыкалась в своём узколичном мирке. Если все остальные сёстры, считавшие, что с приходом революции 1917 года они потеряли возможность найти себе спутника жизни соответствующего им образования и воспитания, то Лёля по возрасту учившаяся в обычной советской школе, была совсем другого мнения. Она постоянно общалась со своими школьными сверстниками – женихами, как говорили сёстры. Бабушка Лена в то время уже потеряла подвижность и сидела в нашей «зале» неподвижная, без надежды встать когда-то и хотя бы пройтись по дому.

Напротив кровати бабушки, в простенке между окнами, висело огромное венецианское зеркало, опиравшееся на ломберный столик. Благодаря такому расположению её кровати, бабушка могла постоянно видеть в этом зеркале, напротив её кровати, всё, что происходило в доме. Она этим своим положением постоянно и активно пользовалась, ведь она по – прежнему была главой семьи.

Лёля, в отличие от других сестёр, пользуясь своим положением, постоянно вращалась в кругу своих сверстников. Там были и Толя Балашов, её мальчик, товарищ, избравший карьеру пилота, который уже успел за пределами Алексина окончить летную школу, явиться в Алексин в броской летной форме, с личным оружием. Очень хорошо помню, что он увлёк Лёлю тем, что учил её обращаться с пистолетом, который гордо носил в красивой кожаной кобуре. Тогда Лёля училась стрелять из пистолета и брала у него в бору уроки стрельбы по импровизирован-

ным мишеням. Этот мальчик Лёле очень нравился, наверное, благодаря своей необычной для Алексина летной форме.

Многочисленные кавалеры – женихи, как называли их её сёстры, поочередно или вместе бывали в нашем доме, приходя на наши праздники – дни рождения, памятные даты, праздничные дни. Эти праздники, их активный характер, претендовавший на характер торжественных приёмов в нашем доме, неустанно поддерживала бабушка. Она была озабочена тем, что все её дочери никак не могут найти себе спутника жизни, но Лёля, по – мнению бабушки, была на особом положении в отличие от остальных сестёр Абакумовых. Её постоянные прогулки с кавалерами, которые всегда продолжались за полночь, так, что Лёля приноровилась, чтобы не потревожить остальных сестёр, с благоволения своей матери, возвращаясь из очередной прогулки домой, пользоваться крайним левым окном, находившимся как раз напротив бабушкиной кровати.

Таким образом, Лёля обходилась без того, чтобы будить весь дом своим поздним возвращением и в то же время была под постоянным контролем матери. Она приходила с прогулки, проникая в дом через окно. Эта её манера лазить в дом через окно стала настолько обычной, что окном стал пользоваться и я. Когда к нам приходил Юра, мы с ним тоже общались через это окно. И вообще пресловутое с благословенья бабушки окно, наверное, потому что оно было всегда в поле её зрения, стало нашим основным выходом в алексинский мир.

Именно через это окно к нам иногда навевался Савельич. Это был, как мне объяснила бабушка, её старый знакомый. Он до революции работал в семье Абакумовых возчиком. Семья имела свой собственный выезд. Тогда, если говорить об окне, через которое мы все вместе с Еленой Агеевной общались с Алексинским миром, к нам пришёл Савельич. Он принёс Елене Агеевне, которую очень уважал, стерлядку, в то время ещё водившуюся в Оке. В тот день Савельич поделился с бабушкой своими новостями. Он рассказал о том, что его сын Гарик, который учится в Москве, скоро станет настоящим дирижером оркестра. Бабушка тогда с большим вниманием и пониманием выслушала его рассказ.

Левое окно нашего дома стало постоянным каналом для выхода семьи в алексинский мир. Несмотря на столь экстравагантный способ возвращения Лёли домой, глава семьи – бабушка по – прежнему поощряла поведение своей младшей дочери. Она считала, что так дочь скорее найдёт спутника жизни. Также бабушка приветствовала устройство «приёмов», которые обычно бывали в праздничные дни.

Для устройства «приёмов» служили также дни рождения Лёли. Тогда, в саду в решетчатой беседке и рядом с беседкой накрывали столы, которые красиво сервировались и устанавливались разными закусками (это были уже не голодные 30-е, а 40-е годы), когда в России была не такая уж плохая жизнь. Особым вниманием на таких приёмах при сервировке столов пользовались Абакумовские пироги с начинками из мяса, риса с яйцами, гречневой каши, зелёного лука. Особым мастерством в приготовлении этих пирогов отличалась средняя сестра – тётя Лида. Она умела выпекать эти пироги так, что они буквально таяли во рту. Такими вкусными они у неё получались. В такие «приёмы» и праздники в нашем саду было очень весело и шумно. Звучал патефон, ручку которого старательно крутила Лёля, озабоченная тем, чтобы музыка, звучащая из патефона, не прекращалась.

А молодые парни – кавалеры и девушки, которые тоже приглашались на эти праздники, танцевали модное в то время «танго». Посещения гостей на этих «приёмах» не всегда кончались благополучно. Помню один из таких праздников, когда один из кавалеров во время шумных танцев умудрился сломать ногу. Поднялась суматоха, ведущую роль в ней играла Лёля. Но это был исключительный случай. Обычно же поведение гостей было под жестким контролем Елены Агеевны. Она всегда хотела знать, что за люди пользуются вниманием Лёли. Для этого бабушка Лена приказывала Лёле ставить на ломберный столик, что под «венетским» зеркалом, находившимся в «зале», напротив бабушкиной постели один из праздничных

пирогов, скорее всего «Наполеон», слоёный сладкий пирог, в изготовлении которого сёстры Абакумовы были большие мастера. После того, как «Наполеон» был водружён на ломберный столик, бабушка велела Лёле просить кавалера, который в то время был в фаворе у Лёли, принести из дома сладкий пирог. Лёля объяснила тому, как и куда идти и где взять пирог. В результате успевшая привести себя в порядок (чтобы не испугать кавалера своим болезненным видом) бабушка, спокойно осматривала и оценивала кавалера, когда он проходил в «залу» взять «Наполеон». После этой «аудиенции» Елена Агеевна сообщала Лёле своё мнение, рождённое осмотром её кавалера, а Лёля с этим мнением очень считалась.

Глава вторая

Последние школьные годы я провёл в Туле, также как многие алексинцы, стремясь учиться в областном городе. Здесь, в канун начала Великой Отечественной войны, я окончил 9-ый класс, но аттестата не получил. Отпускать меня в милый моему сердцу Алексин мама не хотела. В то время она разошлась с моим погрязшем в пьянстве отцом и согласилась лишь на то, чтобы я съездил повидаться с бабушкой Настей, которая осталась одна – дед Егор второй год как ушел из жизни. Приехав в Алексин, я тотчас пришел к бабушке, она встретила меня объятиями. И со словами: «Лёвочка, я думала, что тебя больше не увижу», обняла меня и ласково поцеловала. Я же – взрослеющий юнец, считал, что мне, представителю мужского пола, ни к чему такие нежности, осторожно освободился из её объятий, о чём впоследствии горько пожалел – ведь это было последнее наше свидание. Тогда мое рождающееся мужское сознание не позволило ответить ей столь же искренним расположением. Проведя несколько дней в Алексине, побывав в бору и сходяв к Оке, я оставил милый мне город для того, чтобы вернуться к матери.

В Туле я учился в 4-ой средней школе, что на улице Ленина. Тогда мы жили в доме № 51 на Гоголевской улице, вместе с нашей семьёй снимала квартиру семья Остроумовых, младшим Остроумовым был школьник Волька. Тогда я учился 4-ой школе в 8-ом классе, в то время как Волька был учащимся 10 класса. Но эта раз разница в возрасте нам не мешала. Её стирало также наше с ним увлечение фотографией, Волька был по сравнению со мной более серьёзным любителем и имел хорошо известный в то время фотоаппарат «Фотокор». Это был тяжелый, серьёзный фотоаппарат с отличным объективом и точной кремальерой, позволявший производить фотосъемку в любых условиях – предмет зависти всех мальчишек, увлекавшихся фотографией. Мой «Argo» по сравнению с «Фотокором» был всего лишь его жалкой копией. Я не говорю уже о том, что Волька Остроумов был большой мастер изготовления всевозможных моделей. Помню, как он для одной из школьных выставок изготовил по описаниям в журнале «Знание – Сила» модель паровой машины, сделал её так, что модель отлично действовала, если подуть в специально приспособленный для этого в машине патрубок.

Волька (Всеволод) Остроумов – мой хороший друг. С ним вместе мы прожили несколько лет в одном доме, мы увлекались фотографией, авиамоделизмом, строили модели самолётов с резиновым двигателем и испытывали в полёте эти модели в гараже обкома, где работала мать Вольки. В этом гараже было большое помещение, где полётам наших лёгких моделей не мешал ветер.

У Вольки был репрессирован отец, долгое время работавший в Туле ветеринаром на Тульском ипподроме. Помню, как к ним домой приходил один из жокеев, старый знакомый отца и старался Вольку утешить, когда тот получил извещение о гибели отца. Волька тогда сильно переживал утрату. Жокей был старый, прокуренный человек, долго работавший с Остроумовым – отцом. Его лицо носило неизгладимый отпечаток вечно курившей папиросы, в его губах от папиросы оставалось отверстие, даже когда он не курил. Но это был человек с большой буквы. В тот день он изо всех сил старался утешить сына своего погибшего друга.

Да простят мне столь длинное повествование, посвящённое Остроумову – он вполне этого заслуживает. Всеволод Сергеевич Остроумов, старший лейтенант, ушел на фронт в первые месяцы войны. Был направлен в 561 стрелковый полк 91 стрелковой дивизии. Принимал участие в оборонительных боях в окрестностях Сталинграда. 26 сентября 1942 года в составе разведгруппы был отправлен в направлении Харнут-Деде-Ламин с целью выяснения системы обороны противника и захвата контрольного пленного. Связь с группой прервалась. И лишь через несколько дней стало известно, что разведгруппе пришлось принять неравный бой с пре-

восходящими силами противники. В этом бою группа потеряла 4 человека убитыми. Среди них был и Всеволод Остроумов. Это случилось 28 сентября 1942 года.

Ещё два моих одноклассника: Рэм (Рэмт) Ильич Баранов. Рэмт – это аббревиатура из слов: революция, электрификация, мир, труд. Раньше даже имена были политизированные.

Хорошо помню, как провожал Рэма Баранова в 1942 году в танковое училище. Он хотел стать командиром танка Т – 34. Из его писем я узнал, что Рэм – командир танка Т – 34 под Курском. Ему приходится туго. В то время у немцев появились новые танки, с усиленной бронёй и мощным мотором, внешне схожие с нашим Т-34. Рэм писал: «У немцев есть танки под названием «тигры», они опасны и тяжелы».

Рэм Ильич Баранов на фронте был командиром танка 345 танкового батальона 91 отдельной танковой Фастовской Краснознамённой бригады 1 Украинского фронта.

12 января 1944 года в ходе Житомирско – Бердичевской наступательной операции 345 батальон совершил 66 километровый марш во исполнение боевого приказа. В 10-00 13 января батальон начал наступление в направлении м. Сальница- Воробьевка с последующим выходом на западную окраину м. Хмельник. В 11-00 танки бригады начали бой с превосходящими силами противника за м. Лопатин. Пять танков из боя не вернулись и впоследствии были уничтожены противником. Одним из танков командовал Рэм. В похоронке было написано, что Баранов Рэм Ильич пропал без вести 13 января 1944 года в районе м. Янушполь, но одноклассники рассказывали, что он сгорел в танке.

Владимир Шаев в 1941 году окончил вместе со мной 9-й класс 4-ой средней школы г. Тулы. Он ушёл на фронт в 1942 году. Владимир был из семьи потомственных оружейников г. Тулы. В 1942 г. наши войска получили новое оружие – противотанковые ружья (ПТР). Про Владимира мне известно только то, что на фронте он носил ружье ПТР, следовательно был бронбойщиком и пользовался особым почётом. Шаев Владимир Иванович, сержант, в 1944 г. был награждён медалью «За боевые заслуги» за выполнение боевого задания по ликвидации банд УПА² в Ровенской области. Показал себя храбрым и бесстрашным бойцом.

² Украинская повстанческая армия

Всеволод Сергеевич Остроумов (1921-1942 гг.)

Баранов Рэмт Ильич (1924-1944 гг.)

04.03.1944 года сержант Шаев получил задание разведать численность и боевую оснащённость банды в селе Сапсаин Ровенской области. Шаев оценил обстановку и установленными сигналами вызвал на себя огонь 82 мм миномётов. Презирая опасность от поражения своих мин, маневрируя огневыми средствами отделения, Шаев яростно отбивался от банды. В этом бою банда потеряла 30 человек убитыми и ранеными, отделение сержанта Шаева потерь не имело. Шаев убил 3-х бандитов и одного связного захватил в плен.

Владимир Иванович Шаев (1924-1944 гг.)

Шаев Владимир, сержант 18 стрелковой бригады внутренних войск убит в бою 17.09.1944 года в ходе Карпатской (Ужгородской) наступательной операции. Похоронен в Тернопольской области Бережанского района, в селе Урмань.

Это про них, погибших двадцатилетними, писал Давид Самойлов:

«Сороковые, роковые, военные и фронтовые,
Война гуляет по России,
А мы такие молодые...
.....

Как это было! Как совпало-
Война, беда, мечта и юность!

Сороковые, роковые, военные, пороховые
Война гуляет по России,
А мы такие молодые...»

И я горжусь, что учился в одной школе с героями, отдавшими свою (единственную!) жизнь на защиту Родины.

Кроме увлечения фотографией в школе, я занимался в фотокружке Дворца пионеров. Руководителем кружка был некто Вялов, владелец вожаденной и недоступной для меня фотокамеры ФЭД, с объективом двойкой, которой Вялов пользовался во время просмотра самодеятельности Дворца пионеров. В результате моих попыток сфотографировать школьную самодеятельность, ставившую пьесу «Любовь Яровая», я сделал портрет Витьки Тальрозе в роли матроса Шванди. Этот портрет по признанию Вялова стал моей первой серьёзной работой. Вялов научил меня доводить каждую мою фотографию до отличного качества. На портрете Вильки Тальрозе в роли Шванди я впервые практически применил это своё умение. Хорошо помню фотопортрет дерзкого матроса, так удачно получившийся у меня. Я хранил его все последующие годы, как первую мою хорошую фотоработу. Доволен был и Вилька Тальрозе, которому я его подарил.

На уроке физики в 7 классе 4 средней школы. Первый слева – я.

Среди товарищей Остроумова в школьном коллективе я дружил с Мишкой Пунковским и с Витькой Тальрозе, в их среде них были – Ляля Карасёва, известная в 4-ой школе своей общественной деятельностью, Гришка Рабинович, сверкавший своей совершенно лысой головой, Юрка Тевелевич, отличавшийся резкостью своих суждений и всегда резавший правду – матку в глаза.

Кроме моего увлечения фотографией, я по настоянию моего преподавателя литературы, занимался в школе выпуском стенгазеты. В то время был Лермонтовский юбилей, и я отлично помню стенгазету, которую я выпустил к юбилею М. Ю. Лермонтова. Фотогазета была посвящена произведению поэта «Герой нашего времени». Помню свой монтаж, состоявший из вырезок, посвящённых героям романа Печорину и Грушницкому, объяснению Печорина с княжной Мери, подробностям дуэли Печорина и Грушницкого. Тогда моя работа по выпуску школьной

стенгазеты, посвященной юбилею, всячески поощрялась преподавателем литературы и моим классным руководителем. Они, по их словам, видели меня в будущем в роли журналиста.

В 7-ом классе со мной приключилась беда – я сломал ногу. А получилось это так. Наша классная комната находилась на втором этаже школы. Я и все мои сверстники – мальчишки по звонку, извещавшему окончание очередного часа занятий, бросались вон из класса, стремясь поскорее выйти на обширный школьный двор, где можно было глотнуть свежего воздуха. Наш путь лежал через шикарный лестничный разворот – это была парадная лестница «Перовской гимназии», нашей теперешней школы. Она состояла из трёх маршей – два марша вели справа и слева со второго этажа на промежуточную лестничную площадку, а третий марш спускался с этой площадки на первый этаж. Мальчишеская «удаль» постоянно толкала нас – мальчишек на эффектные подвиги, мы не спускались по лестнице как осторожные девчонки, а бросив своё тело на середину перил одного из коротких маршей, с силой перекидывали его на промежуточную площадку, по перилам третьего марша съезжали на первый этаж и выходили на школьный двор. Так было и в этот злосчастный день.

9-а класс в 1941 г. Первый справа в первом ряду- Володя Шаев. Первый справа во втором ряду – Рем Баранов. Первый справа в последнем ряду-я, Абакумов Л. Д.

Классный руководитель Лазарь Михайлович Эзрин беседует с учениками 9-а класса 1941 г. Первый слева во втором ряду Владимир Шаев

Как всегда, я привычно бросил своё тело на отрезок перил короткого марша лестницы, но, наверное, не рассчитал силы, потому что, приземлившись на промежуточную площадку, почувствовал острую боль в ступне правой ноги.

Не подавая виду о том, что я почувствовал и как мне больно спускавшимся вместе со мной девчонкам, я нашёл в себе силы, чтобы дойти и сесть на скамью, стоящую у входа на школьный двор. Сев на скамью, я, должно быть, побледнел – это было видно по отношению ко мне сидящих рядом девчонок, они спрашивали, что со мной случилось.

Я в этот момент чувствовал себя настолько паршиво, что не сумел вразумительно ответить на заданные мне вопросы – у меня было полуобморочное состояние. Дело кончилось тем, что меня из школы забрала вызванная машина «скорой помощи». Она отвезла меня домой, на Гоголевскую, 51, где наша семья занимала большую, очень светлую комнату (бывшую операционную Мунковской больницы). В нашем доме до революции помещалась Мунковская больница.

Простите, небольшое отступление. Дело в том, что в то время я по – настоящему не знал, что дом, в котором я жил, был известен тем, что в нём во время оно состоялась встреча Льва Толстого с Константином Сергеевичем Станиславским, о чём свидетельствовала памятная доска, укрепленная на фасаде здания, где были изображены барельефы двух столпов литературы и искусства России.

Дома никого не было, только с приходом с работы моей мамы я смог получить какую-то помощь. Но что могла сделать для меня мама – нашлась для того, чтобы отругать меня за лихачество, приведшее к «скорой помощи». Скоро нас посетил хирург, он назначил рентген ноги. Не помню, как мне сделали снимок, но мне стало известно, что у меня закрытый перелом плюсны правой ноги. Хирург сказал, что не менее, чем через полгода, я смогу свободно передвигаться на своих ногах. Кончилось тем, что меня не допустили до экзаменов и оставили в школе на второй год. Начались мои хождения по мукам. Я не сразу смирился с этим, но что было делать – так решил директор школы. Через какое-то время я всё-таки смог передвигаться с палкой, у меня тогда была не палка, а здоровая дубина, на которую я переносил всю тяжесть своего тела, чтобы уберечь правую ногу от травмы.

Поскольку в школе прошла пора весенних экзаменов и наступило лето, я, как всегда, уехал в милый мне Алексин и, хотя не так быстро, как хотелось, но передвигался со своей дубиной, опираясь на неё, как на палку.

Памятная доска на доме, где я жил, на улице Гоголевская, д. 47 с текстом: «Здесь, в ноябре 1893 года состоялось знакомство выдающихся деятелей русской и мировой культуры – гения литературы Л.Н.Толстого и великого реформатора театра – К.С.Станиславского»

Чудесный алексинский воздух, напоенный ароматом разогретых солнцем сосен, создававших наполненную озоном ауру, сыграл немалую роль в моём выздоровлении. Здесь, в Алексине, в ту несчастливую для меня пору я со своей клюкой – дубиной бродил вместе с Михальком Залесским в окрестностях Крутого, где в то время подрастала молодая поросль бора. Её еще нельзя было назвать столетним бором, но это были вполне взрослые, немного меньше, чем столетние, большие сосны. Отправляться с Михальком в дальний поход я со своей сломанной ногой не решился и хромяя, опираясь на свою клюку, бродил я со своим «Arfo» по бору.

Лето прошло в милом мне Алексине, а когда приблизилась пора 1-го сентября, я вернулся в школу, где меня ждал новый класс, новые товарищи и новая жизнь. Старыми оказались только мои привязанности к фотографии и событиям школьной жизни.

Дружба с Волькой Остроумовым привела меня в круг его сверстников в 4 средней школе. Его товарищи, ученики 10 классов, без всяких оговорок приняли меня в свой круг, и тогда я (в то время никогда не расстававшийся со своим «Arfo») и увлеченный фотографией, хорошо вписался в их коллектив. Им нравилось мое постоянное желание фотографировать, я стал среди десятиклассников своим человеком. Волька отличался броской запоминающейся внешностью, что привело к его популярности среди женской половины класса, и девчонки из его класса встречали его криками «Вокруг острова, вокруг острова», что, видимо, надо было понимать, как переделанную фамилию Остроумов.

Но Остроумов на массовое увлечение обращал мало внимания. Он был в то время увлечён одной из школьниц, мало обращавшей на него внимания. Это была девочка по фамилии Костикова. Увлечение было настолько для него значительным, что он однажды соблазнил меня отправиться с ним вместе в дом специалистов, где жила девочка, с тем чтобы сделать её портрет. Тогда мы с Волькой устроились со своими фотоаппаратами на лестничной клетке, где жила Костикова. Но Остроумова ждала неудача – выйдя из квартиры, девчонка стремглав пронеслась мимо нас так, что Волька со своим громоздким фотоаппаратом едва успел приготовиться для съёмки. Смог ли он сфотографировать девчонку, тогда всё произошло так быстро, что мы не успели опомниться. Да простят мне столь длинное повествование, посвящённое Остроумову – он вполне этого заслуживает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.